



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

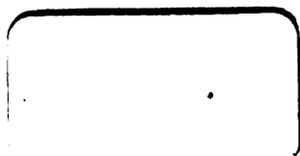
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



HARVARD
COLLEGE
LIBRARY



ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВІСНИКЪ
Россійскаго Императорскаго
Училищнаго Министерства
А. №. XIX
Кн. II
Ч. I. a

ЧАСТЬ СЛХVIII.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2).

1873.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

О смерти царевича Дмитрія Е. А. Балова.

Николай Коперникъ и его ученіе. (Окончаніе) Я. И. Вейнберга.

Дѣйствительно ли походъ Олега подъ Царьградъ — сказка? Н. П. Ламбина.

Разрывъ между Россіей и Турціей въ 1787 году А. Г. Брикера.

Иосифъ Юнгманъ Н. А. Попова.

Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ исторіи русскаго права. (Продолженіе). К. Г. Стефановскаго.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА. } (См. на 3-й стр. обѣрки.)
СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. }

РАЗРЫВЪ МЕЖДУ РОССІЕЙ И ТУРЦІЕЙ ВЪ 1787 ГОДУ.

Россія въ XVIII столѣтіи, по выраженію одного изъ нашихъ историковъ, искала своихъ естественныхъ границъ на югѣ и западѣ. То, что было сдѣлано Петромъ Великимъ на сѣверо-западѣ чрезъ пріобрѣтеніе Прибалтійскаго края, того же Екатерина достигла на югѣ чрезъ присоединеніе Крыма, взятіе Очакова и занятіе степи до Днѣстра. Балтійское море сдѣлалось при Петрѣ изобильнымъ источникомъ могущества и богатства Россіи, Черное море получило то же значеніе при Екатеринѣ; въ доставленіи этихъ выгодъ Россіи Екатерина видѣла одну изъ главныхъ задачъ своего царствованія. Достиженіе этихъ цѣлей становилось возможнымъ лишь посредствомъ усѣбныхъ войнъ съ Турціей. Продолжая то, что было начато прежними царствованіями,—походами Голицына при царицѣ Софіи, Азовскими походами и походомъ 1711 года при Петрѣ, подвигами Миниха при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ,—она успѣла значительно содѣйствовать къ ослабленію Турціи, восторжествовать на Черномъ морѣ надъ турецкимъ флотомъ и подготовить дальнѣйшія побѣды Россіи надъ Оттоманскою Портою.

Въ продолженіе всего этого времени Россія дѣйствуетъ относительно Турціи наступательно. Рождаются планы объ изгнаніи Турокъ изъ Европы, объ учрежденіи государства Дакійскаго, о возстановленіи Греческой имперіи. Положительное право договоровъ, заключенныхъ между Россіей и Турціей, нарушается. Границы, опредѣленныя мирными трактатами, становятся непрочными. Послѣ каждаго новаго пріобрѣтенія оказываются необходимыми дальнѣйшія завоеванія. Занятіе части береговъ Чернаго моря заставляло Россію желать свободнаго прохода чрезъ Дарданельскій проливъ; занятіе Крыма требовало обезпеченія существованія русскаго флота на Черномъ морѣ, постройка Херсона и Севастополя повела къ желанію освободиться отъ Очаковскихъ пушекъ. Останавливаться было не возможно. Должно

было ожидать новыхъ и новыхъ столкновеній между Россіей и Турціей ¹⁾).

Предлагая императрицѣ занять Крымъ, Потемкинъ писалъ: „Положите теперь, что Крымъ вашъ, и что нѣтъ уже сей бородавки на носу, — вотъ вдругъ положеніе границъ прекрасное: по Бугу Турки граничатъ съ нами непосредственно, потому и дѣло должны имѣть съ нами прямо сами, а не подъ именемъ другихъ. Всякій ихъ шагъ тутъ виденъ. Со стороны Кубанской, сверхъ частныхъ крѣпостей, снабженныхъ войсками, многочисленное войско всегда тутъ готово. Довѣренность жителей въ Новороссійской губерніи будетъ тогда несумнительна, мореплаваніе по Черному морю свободное; а то извольте разсудить, что кораблямъ вашимъ и выходить трудно, а входить еще труднѣе. Еще въ добавокъ избавимся отъ труднаго содержанія крѣпостей, кои теперь въ Крыму на отдаленныхъ пунктахъ. Всемилоствѣйшая государыня, неограниченное мое усердіе къ вамъ заставляетъ меня говорить: презирайте зависть, которая вамъ препятствовать не въ силахъ! Вы обязаны возвысить славу Россіи. Посмотрите, кому оспорили, кто что приобрѣлъ: Франція взяла Корсику, Цесарцы безъ войны у Турокъ въ Молдавіи взяли больше, нежели мы. Нѣтъ державы въ Европѣ, чтобъ не подѣлили между собою Азіи, Африки, Америки. Приобрѣтеніе Крыма ни усилить, ни обогатить васъ не можетъ, а только покой доставить. Ударъ сильный — да кому? Туркамъ: это васъ еще болѣе обязываетъ. Повѣрьте, что вы симъ приобретениемъ безсмертную славу получите, и такую, какую ни одинъ государь въ Россіи еще не имѣлъ. Сія слава проложитъ дорогу еще къ другой и болѣе славѣ: съ Крымомъ достанется и господство въ Черномъ морѣ; отъ васъ зависѣть будетъ запирать ходъ Туркамъ и кормить ихъ, или морить съ голоду. Хану пожалуйте въ Персію, что хотите, — онъ будетъ радъ. Вамъ онъ Крымъ поднесетъ пылѣншію змѣю, и жители охотно принесутъ о семъ просьбу. Сколько славно приобретеніе, столько вамъ будетъ стыда и укоризны отъ потомства, которое при каждахъ хлопотахъ такъ скажетъ: вотъ, она могла, да не хотѣла, или упустила. Есть ли твоя держава — кротость, то нуженъ въ Россіи рай. Таврическій Херсонъ, изъ тебя истекло къ намъ бла-

¹⁾ Эту мысль высказывалъ *Щербатовъ* въ разсужденіи о нынѣшнемъ, въ 1787 году почти повсемѣстномъ, голодѣ въ Россіи, о способахъ оному помочь и нрредъ предупредить подобное же несчастье, — въ *Ученіяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей*, 1860, I.

гочестіе: смотри, какъ Екатерина Вторая вноситъ въ тебя вротость христіанскаго правленія“¹⁾). Подобно тому, и графъ Безбородко доказывалъ необходимость приобрести Очаковъ съ частію земли между Вугомъ и Днѣстромъ, Крымскій полуостровъ и одинъ, два или три острова въ Архипелагѣ.

Послѣдовало присоединеніе Крыма къ Россіи. Началась тамъ многосторонняя административная дѣятельность князя Потемкина. А между тѣмъ на западѣ все болѣе и болѣе начинали беспокоиться. Французскій дипломатъ Верженнъ въ подробной запискѣ говорилъ прямо о предстоящихъ дальнѣйшихъ нападѣніяхъ на Турцію со стороны Россіи²⁾; въ Константинополѣ считали потерю Крыма весьма чувствительною³⁾. Тамъ было замѣчено, что турецкій флотъ никогда не бываетъ готовъ къ отплытію до начала мая мѣсяца, а между тѣмъ русскій флотъ ранѣе этого срока можетъ явиться и уничтожить весь турецкій флотъ въ самой Константинопольской гавани⁴⁾.

И въ Россіи послѣ присоединенія Крымскаго полуострова считали весьма вѣроятнымъ возобновеніе войны съ Турками. Не было недостатка въ поводахъ къ разрыву. Къ числу ихъ должно отнести, между прочимъ, набѣги Лезгинъ и другихъ кавказскихъ народовъ въ область Грузинскаго царя Ираклія, признавшаго надъ собою верховную власть Россіи. Очевидно, такія нашествія были поддерживаемы Оттоманскою Портою, и потому русскій посланникъ въ Константинополѣ постоянно требовалъ удовлетворенія за обиды, нанесенныя вассалу Россіи его сосѣдями. Въ сентябрѣ 1786 года партія Закубанцевъ, переправившись на русскій берегъ Кубани, прошла къ селенію Ставропольскому и отогнала пасшихся тамъ 381 лошадь. Другая партія захватила двухъ казаковъ въ плѣнъ. Третья напала на редутъ при Овечьемъ бродѣ; 3 человѣка при этомъ случаѣ взято въ плѣнъ, 1 убитъ и 2 ранены. Въ октябрѣ того же года толпа въ 500 человѣкъ напала на редутъ, взяла въ плѣнъ 23 человѣка, а 5 человѣкъ было убито. 1-го ноября болѣе 1.000 человѣкъ Закубанцевъ имѣли сраженіе съ казачьей командою, взяли въ плѣнъ и убили до 200 человѣкъ и т. д.⁵⁾. Все это уже могло считаться началомъ войны. Генералъ-маіоръ Самоиловъ былъ

¹⁾ Соловьевъ, Паденіе Польши, стр. 163.

²⁾ Herrmann, Gesch. d. russ. Staats, VI, 62.

³⁾ Herrmann, 172.

⁴⁾ Eton, Schilderung des türk. Reichs, 100.

⁵⁾ Запись объ учившихся Закубанцами владеніяхъ въ границы Россіи въ концѣ минушаго 1786 года. Русскій Архивъ, 1865 г., стр. 415 и 416.

отправленъ противъ Лезгинъ ¹⁾). Однажды, когда Русскіе принуждены были отступать, Оттоманская Порта даже требовала возвращенія царя Ираклія въ подданство Турціи. Между турецкимъ пашею и царемъ Иракліемъ состоялся было уже договоръ о дани, которую послѣдній, въ качествѣ турецкаго вассала, долженъ былъ вновь платить султану. Въ Константинополѣ объявили русскому посланнику, что только интриги Петербургскаго кабинета заставили царя Ираклія допустить появленіе въ его территоріи русскихъ войскъ ²⁾. Въ Петербургѣ же занятіе Грузіи считали средствомъ для приготовленія нападенія на Турцію ³⁾.

Далѣе Оттоманская Порта жаловалась часто на вмѣшательство Россіи въ египетскія дѣла. Незадолго до разрыва между Турціей и Россіей въ Египтѣ было возстаніе. Кастера говоритъ о связяхъ между русскимъ посланникомъ въ Константинополѣ Булгаковымъ и представителями революціонной партіи въ Египтѣ. Посредниками служили русскій консулъ въ Александріи баронъ де-Толюсъ и другой еще консулъ въ Смирнѣ, Ферьеры. Образъ дѣйствій консуловъ Россіи казался опаснымъ Портѣ. Турецкое правительство захватило корреспонденцію опаснаго свойства между Беемъ Ибрагимомъ въ Каирѣ и русскимъ посланникомъ. Нужно было отправить войско для укрощенія мятежа ⁴⁾. Разказываютъ даже, будто баронъ де-Толюсъ, успѣшно дѣйствовавшій на нѣкоторыхъ недовольныхъ, какъ, напримѣръ, на бей Ибрагима и Мурата, былъ арестованъ другимъ беемъ, Измаиломъ, и отправленъ къ Каирскому пашѣ, который и содержалъ его въ арестѣ ⁵⁾. Тогда думали, что Россія желала при предстоящемъ раздѣлѣ турецкихъ владѣній предложить Египетъ Французамъ. Кастера разказываетъ, будто Сегюръ, которому было сдѣлано въ С.-Петербургѣ такое предложеніе, отклонилъ оное, считая пріобрѣтеніе острова Кандін болѣе выгоднымъ для Франціи ⁶⁾. Въ Херсонѣ, лѣтомъ 1787 года, была рѣчь объ Египтѣ, и Булгаковъ, какъ раз-

¹⁾ См. біографію Потемкина, сост. Самойловымъ, въ *Русскомъ Архивѣ* 1867 г.

²⁾ *Herрманн*, VI, Делени Дици отъ 10-го февраля 1787 г.

³⁾ Записки *Храновицкаго*, 25-е апрѣля 1782 года.

⁴⁾ *Castéra*, II, 134.

⁵⁾ *Castéra*, II, 141. Однако баронъ Толюсъ, по крайней мѣрѣ въ концѣ 1787 года, находился на свободѣ, хотя и не въ Египтѣ. Секретарь Потемкина въ декабрѣ 1787 года писалъ князю: «Прилагаю при семъ письмо консула Тонуса (sic), бывшаго въ Египтѣ».

⁶⁾ *Castéra*, 141.

казывали, хвалился своими сношеніями съ инсургентами въ той области ¹⁾).

То же самое происходило и въ Дунайскихъ княжествахъ. Молдавскій господарь Маврокордато, чрезъ посредство русскаго консула въ Яссахъ, былъ въ тайной перепискѣ съ кабинетами Вѣнскимъ и Петербургскимъ. Лишенный Портою званія, онъ бѣжалъ въ Россію. На требованіе Порты о выдачѣ бѣглаго господаря русское правительство отвѣчало отказомъ. Порта вообще опасалась дѣйствій русскихъ консуловъ во всѣхъ турецкихъ владѣніяхъ и считала ихъ органами для возбужденія мятежей между турецкими подданными. Поэтому Турція не хотѣла дозволить учрежденія русскаго консульства въ Варнѣ ²⁾. Въ дипломатическихъ сношеніяхъ между обѣими державами эти вопросы возбуждали неудовольствіе. Думали даже, что уже переписка между Россією и Оттоманскою Портою въ отношеніи къ Маврокордато поведетъ къ разрыву ³⁾.

Къ этимъ спорамъ присоединились еще недоумѣнія по разнымъ другимъ предметамъ. Турки жаловались на то, что турецкіе корабли въ русскихъ портахъ должны были платитъ большія пошлины, нежели русскіе въ турецкихъ портахъ ⁴⁾. Далѣе Турки были недовольны тѣмъ, что имъ не хотѣли дозволить покупать желаемое ими количество соли въ Кинбурнѣ, что Россія не хотѣла дозволить учрежденіе турецкихъ консульствъ въ русскихъ городахъ и т. п. ⁵⁾. Ко всему этому присоединился еще греческій проектъ, предположеніе прогнать Турокъ изъ Европы. Уже во время первой турецкой войны, Потемкинъ именно для осуществленія греческаго проекта считалъ необходимымъ „отдѣлать Татаръ отъ Турокъ, и сдѣлать ихъ независимыми отъ вліянія Порты“, привести неукоснительно Крымъ подъ скипетръ Россійскій, устье Дибъпра очистить отъ Турокъ и сокрушить укрѣпленный Очаковъ, яко ключъ въ Черное море; для этого близъ Очакова на Дибъпрѣ воздвигнуть городъ и верфь, чтобы имѣть военное и сухопутное и морское депо безопасное, и тогда съ моря и съ суши имѣть способъ ополчиться для господства на Черпомъ морѣ; обуздать Кавказскіе народы, готовые содѣйствовать Туркамъ во время войны набѣ-

¹⁾ *Blut*, II, 485.

²⁾ *Herzmann*, VI, 165—166.

³⁾ *Щербатова*, въ *Извѣстіяхъ Моск. Общ.*, 1860, III, 70.

⁴⁾ См. донесеніе Дидо, *Herzmann*, VI, 166.

⁵⁾ *Щербатова*, 78, нарицаетъ образъ дѣйствій русскаго правительства въ этомъ отношеніи.

гами къ Азову и Дону, и провести линію укрѣпленій отъ нерелома рѣки Кубани чрезъ Моздокъ до Кизлира, приготовить Грековъ и другихъ единоуѣрцевъ, Турками поработченныхъ, къ упованію ихъ освобожденія“¹⁾). Немногимъ позже Безбородко составилъ подробную записку объ этомъ же предметѣ, надѣясь на то, что „упорство Порты, съ одной стороны, а успѣхи, съ другой, подали бы способъ къ совершенному истребленію Турціи и къ восстановленію древней Греческой имперіи въ пользу младшаго великаго князя, внука императрицы“. Безбородко считалъ возможнымъ уже заранѣе предопредѣлить точныя границы этой будущей имперіи въ турецкихъ владѣніяхъ на твердой землѣ и въ Архипелагѣ, уступить Вѣнскому двору кое-какіе порты въ Средиземномъ морѣ, для расширенія торговыхъ связей Австріи и предоставить разныя выгоды Англіи, Франціи, Испаніи и Венеціанской республикѣ²⁾).

При великомъ князѣ Константиѣ находились съ дѣтства Гречанка - няня и Грекъ - камердинеръ (въ послѣдствіи графъ Курута); Екатерина учредила греческій кадетскій корпусъ³⁾). Приготовлены были медали на завоеваніе Турціи⁴⁾). О „восстановленіи прежнихъ греческихъ республикъ“ говорилъ и принцъ де-Линь, какъ объ удобнѣйшемъ средствѣ поправить положеніе острововъ въ Архипелагѣ. Онъ считалъ возможнымъ существованіе такихъ греческихъ государствъ подъ покровительствомъ Россіи и Венеціанской республики. Далѣе онъ предлагалъ дозволить учрежденіе колоній Мальтійскаго ордена на берегахъ Крымскаго полуострова, уступить рыцарямъ, напримѣръ, Балаглавскій портъ и поручить имъ, такъ-сказать, быть стражами на Черномъ морѣ. Изъ Севастополя, замѣтилъ принцъ де-Линь, можно

¹⁾ *Самойловъ*, въ *Русскомъ Архивѣ* 1867, стр. 1011. Эта записка относится къ 1773 году, какъ видно изъ стр. 1018.

²⁾ *Соловьевъ*, 164—165.

³⁾ *Русскій Архивъ*, 1865, ст. 1506. Изъ Таврической области малолѣтніи дѣти Грековъ были отправлены, въ греческую гимназію въ С.-Петербургъ. См. статью о письменныхъ актахъ въ Новороссійскомъ краѣ въ *Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей*, II, 764.

⁴⁾ На одной изъ этихъ медалей на одной сторонѣ было изображеніе Екатерины, а вокругъ надпись: «Божіею милостію Екатерина II Императрица и Самодержица Всероссійская, заступница вѣрнымъ». На другой сторонѣ: морскія волны, Константинополь, пожаръ, разрушеніе мечети; верхняя часть минарета падаетъ, а надъ нимъ сіяетъ крестъ въ облакахъ. По сторонамъ надпись «Потщитесь и шарируется»; внизу: «Поборнику православія». Эти медали находятся теперь въ оружейной палатѣ. *Русскій Архивъ*, 1865, ст. 1506.

прямо идти къ Константинополю, между тѣмъ какъ до того русскій флотъ долженъ былъ отправляться изъ Кронштадта вокругъ Европы въ Средиземное море. Въ послѣдствіи принцъ де-Линь удивлялся тому, что Екатерина отказалась отъ исполненія своего проекта возстановить Грецію ¹⁾.

Россія сохраняла различнаго рода связи съ Славянскими народами и Греками на Балканскомъ полуостровѣ. На такую солидарность интересовъ православныхъ подданныхъ султана и Россіи надѣялась Екатерина и во время войны. При снаряженіи экспедиціи Заборовскаго и Грейга въ Средиземное море въ 1788 году оказалось, что Россія располагала большими средствами въ борьбѣ противъ Турціи, и что именно революціонные элементы между христіанами на Балканскомъ полуостровѣ могли легко содѣйствовать къ осуществленію плановъ Екатерины. Не разъ Греки обращались къ Россіи въ XVIII столѣтіи, также какъ въ послѣдствіи, во время войны за освобожденіе Греціи въ XIX вѣкѣ; но въ концѣ XVIII вѣка не доставало еще той организаціи революціонныхъ элементовъ въ различныхъ областяхъ Оттоманской имперіи, какая образовалась въ десятихъ годахъ XIX вѣка. Греки еще не были достаточно подготовлены къ повсемѣстному восстанію противъ турецкаго ига. Въ 1788 же году особенно Швеція своимъ нападеніемъ на Россію помѣшала успѣшнымъ дѣйствіямъ Россіи въ Средиземномъ морѣ и въ Архипелагѣ.

Въ Турціи понимали опасность положенія. Въ 1786 году султанъ обнародовалъ манифестъ къ подданнымъ, въ которомъ уже говорилось о предстоящей борьбѣ съ непримиримымъ врагомъ Турціи, желающимъ уничтожить Оттоманскую имперію и истребить всѣхъ мусульманъ ²⁾. Вскорѣ послѣ того Екатерина, въ сопровожденіи императора Иосифа II, посланниковъ Франціи, Англіи и Австріи, знаменитыхъ полководцевъ и саловниковъ, явилась на рубежѣ Оттоманской имперіи— въ Херсонѣ, гдѣ было положено начало большому военному порту, и гдѣ строились военные корабли, въ Бахчисараѣ, гдѣ прежде жили данники султана, Крымскіе ханы, и въ Севастополѣ, откуда Россія могла сдѣлать нападеніе на Константинополь. При тогдашнихъ обстоятельствахъ, при многочисленныхъ поводахъ къ разрыву съ Турціей, поѣздка императрицы, имѣвшая главнымъ образомъ значеніе контроля надъ административною дѣятельностью князя Потемкина, легко могла

¹⁾ *De-Ligne*, I, 271—273.

²⁾ The annual register for the year 1788. London, 1790, p. 4; у *Германна*, VI, 165.

получить характеръ политической демонстраціи. То, что въ глазахъ самихъ путешественниковъ казалось *partie de plaisir* самыхъ колоссальныхъ размѣровъ, въ глазахъ западной Европы могло служить выраженіемъ наступательной политики Россіи.

Напрасно утверждаютъ нѣкоторые изъ современниковъ, напримеръ, Энгельгардтъ, что важнѣйшимъ результатомъ путешествія было заключеніе наступательнаго союза Россіи съ Австріей противъ Турокъ ¹⁾. Этотъ союзъ существовалъ еще съ 1781 года. Во время путешествія, кромѣ краткихъ и не особенно важныхъ совѣщаній министровъ и дипломатовъ, сопровождавшихъ императрицу и Иосифа, не было почти никакихъ другихъ бесѣдъ, имѣвшихъ слѣдствіемъ опредѣленіе какой-либо политической программы. При всемъ томъ, однако, путешествіе не могло не имѣть важнаго политическаго значенія. Цѣлью путешествія былъ осмотръ крѣпостей, верфей, арсеналовъ, войска и флота. Вездѣ для путешественниковъ устраиваемы были маневры вновь сформированныхъ войскъ. Во время путешествія на югѣ были сосредоточены различныя отряды копницы, пѣхоты, артиллеріи. Уже въ такомъ громадномъ скопленіи значительныхъ военныхъ припасовъ и снарядовъ заключалась довольно сильная демонстрація противъ Оттоманской Порты и ея защитниковъ ²⁾.

Нельзя, поэтому, удивляться тому, что турецкое правительство съ большимъ опасеніемъ слѣдило за подробностями путешествія. До отъѣзда изъ Петербурга, какъ утверждаетъ Кастера, Екатерина отправила чрезвычайнаго дипломатическаго агента въ Константинополь, чтобъ увѣдомить Порту о предстоящемъ своемъ путешествіи. Въ Константинополѣ въ этомъ путешествіи видѣли чуть-ли не нападеніе на Турцію и уже готовились къ оборонѣ ³⁾. И на западѣ путешествіе внушало опасенія, какъ видно, между прочимъ, изъ писемъ императрицы къ Циммерману. Даже со стороны Россіи было сдѣлано кое-что для того, чтобъ успокоить умы относительно этой поѣздки. Съ

¹⁾ Зап. Энгельгардта, 66.

²⁾ Въ одной изъ современныхъ политическихъ брошюръ: «Lettre d'un voyageur à m-r le baron de L. sur la guerre des Turcs. A. Philadelphie, 1788», сказано между прочимъ: «L'agresseur est celui, qui depuis nombre d'années, pour ainsi dire, aux aguets, brave et provoque un voisin paisible; qui par l'intrigue ou les menaces, a prétendu s'immiscer dans les affaires même intérieures de son administration, qui a détaché et attiré à lui ses sujets etc.». Также Вольней писалъ въ 1788 г.: «L'apparition de l'Impératrice aux bords de la Mer Noire a donné une dernière secousse aux esprits». Considérations sur la guerre actuelle, p. 13.

³⁾ Castéra, II, 128.

этою цѣлью, напримѣръ, секретаремъ императрицы, Храповицкимъ, былъ составленъ журналъ путешествія, который и печатался въ столичныхъ газетахъ. Особенно тщательно императрица, во время путешествія, слѣдила за образомъ мыслей дипломатовъ, ее сопровождавшихъ. Она любила бесѣдовать съ ними о политическихъ вопросахъ, иногда шути затрогивала и дѣла турецкія и вообще старалась узнавать о расположеніи или нерасположеніи къ Россіи западныхъ державъ. Въ особенности можно было ожидать, что сближеніе съ Австріей произведетъ непріятное впечатлѣніе на прочія державы. Поэтому когда, напримѣръ, императрица въ Инкерманѣ пила здоровье своего „лучшаго друга“, Иосифа II, это „питіе здоровья было исключено изъ журнала“¹⁾. Императрица тщательно старалась опровергнуть распространившійся по поводу путешествія слухъ о томъ, что будто она намѣрена короноваться въ Тавридѣ²⁾. Впрочемъ, и на западѣ знали о свиданіи Екатерины съ королемъ Польскимъ въ Каневѣ, о поѣздкѣ Иосифа въ полуденный край Россіи и о сосредоточеніи значительнаго количества русскихъ войскъ на границахъ Турецкой имперіи. Целзя было не безпокоиться³⁾. Въ то время, когда императрица находилась въ Кіевѣ, въ публикѣ ходили слухи о предстоящей войнѣ. Баронъ Сиверсъ писалъ тогда своему брату (9-го апрѣля): „Ты говоришь объ опасеніяхъ на счетъ предстоящей войны: я надѣюсь, что эти слухи лишены всякаго основанія, особенно потому, что войско находится въ худомъ состояніи. Объ этомъ предметѣ, конечно, выслушаютъ мнѣніе графа Румянцева; онъ же скажетъ правду. Впрочемъ, быть можетъ, и измѣнились тѣ правила, которыя, сколько я помню, соблюдались во время послѣдней войны и при заключеніи мира, напримѣръ, по случаю праздника въ Москвѣ. Намъ, какъ благонамѣреннымъ гражданамъ, должно молиться Богу, чтобъ уничтожились неблагонамѣренные умыслы министровъ, желающихъ ловить рыбу въ мутной водѣ и выиграть въ отношеніи къ частнымъ своимъ интересамъ“⁴⁾.

²⁾ Между тѣмъ Екатерина по временамъ думала о возможности предстоящей въ ближайшемъ будущемъ войны. „Мы можемъ начать“, сказала она въ Кіевѣ, говоря о нападеніяхъ кавказскихъ родовъ на область царя Ираклія. Видя экзерциціи довскихъ казаковъ, она

¹⁾ Зап. Храповицкаго, 23-го мая.

²⁾ Сочиненія Екатерины, III, 448.

³⁾ Herrmann, VI, 147. Щербатова, 78. *Séjour*, Tabl. 83. *Blum*, II, 476.

⁴⁾ *Blum*, Ein russischer Staatsmann, II, 483.

замѣтила: „Cela fait naître des reflexions!“ ¹⁾ Она довольно хорошо знала о раздраженіи въ Константинополѣ и о томъ, что Франція желала защитить Порту. Французскій посланникъ въ Константинополѣ Шуазель-Гуфье могъ считаться вліятельнымъ покровителемъ султана. Не разъ императрица, шутя, упрекала Сегюра въ томъ, что Франція напрасно желала защищать Турокъ - варваровъ и тѣмъ самымъ нарушала интересы гуманиности и христіанства. Съ Сегюромъ, впрочемъ, во время путешествія императрица обращалась особенно ласково. Онъ былъ представителемъ Франціи при заключеніи торговаго договора между ею и Россіей. На западѣ считали заключеніе этого договора признакомъ перемены той политики въ отношеніи къ Порту, которую Франція до того горько защищала; однако, французскій кабинетъ въ это время серьезно опасался за Турцію и старался противодействовать видамъ Россіи и Австріи. Впрочемъ Сегюръ, отправляясь въ путь вмѣстѣ съ Екатериною, не считалъ вѣроятнымъ, чтобы императрица думала серьезно объ уничтоженіи Оттоманской имперіи. Онъ напротивъ того утверждаетъ, что никто не желалъ войны, и что она началась не иначе, какъ вслѣдствіе взаимной подозрительности. Самъ онъ, однако, при тогдашнихъ обстоятельствахъ считалъ долгомъ сообщить о своихъ опасеніяхъ французскому посланнику въ Константинополѣ и постоянно говорилъ о необходимости привести въ надлежащее состояніе Очаковскую крѣпость и собрать на берегу Дуная войска 150.000 человекъ ²⁾.

Часто было дѣлаемо замѣчаніе, что главнымъ виновникомъ разрыва былъ князь Потемкинъ, и что данныя имъ Булгакову, русскому посланнику въ Константинополѣ, инструкціи повели къ войнѣ. Къ сожалѣнію, только незначительная часть корреспонденціи Потемкина съ Булгаковымъ до сихъ поръ сдѣлалась извѣстною. Изъ извѣстныхъ намъ писемъ видно, между прочимъ, что Потемкинъ послѣ присоединенія Крыма къ Россіи намѣревался предпринять поѣздку въ Константинополѣ. ^{15/26}-го марта 1784 года Булгаковъ писалъ князю: „Здѣсь почитаютъ вашу свѣтлость нашимъ верховнымъ визиремъ. Прибытіе ваше сюда не можетъ быть утаено и произведетъ суматоху въ народѣ, коей и понинѣ еще Сераль и Порта опасаются, ибо думаютъ, что духи еще не успокоились.... А бытность ваша здѣсь принесла бы несказанную пользу всѣмъ дѣламъ, ибо у насъ многіе объ

¹⁾ Зап. Храповицкаго, 19-го мая.

²⁾ *Séjour*, III. 92.

нихъ по сю пору судили по словамъ Грековъ, здѣшнихъ бѣглецовъ; но въ итогѣ все не то: я отъ нихъ страдаю, и торговля въ ничто обращается“.

Въ Константинополь Потемкинъ не поѣхалъ. Переписка его съ Булгаковымъ продолжалась, и предметомъ ея служили, между прочимъ, дѣла грузинскія. Отношенія между Россіей и Турціей становились хуже. Вліяніе князя на ходъ дѣлъ было весьма значительное. Чрезвычайно любопытна выписка изъ высочайшаго повелѣнія императрицы Потемкину отъ 16-го октября 1786 года, въ которомъ, между прочимъ, сказано: „Мы видимъ уже себя при дверяхъ той необходимости, въ которую поставляютъ насъ оборона славы и безопасности границъ нашихъ, особливо-жь если Порта не окажетъ вниманія къ послѣднимъ ей учиненнымъ впущеніямъ и не сыщеть сама средства исправить оскорбленіе, послѣднимъ ея меморіаломъ намъ нанесенное. Мы тогда, конечно, должны будемъ воспріять дѣятельныя противъ ея мѣры, бывъ убѣждены въ совѣсти нашей, что всякъ безпристрастный признаетъ справедливость нашу. Тутъ съ особливимъ удовольствіемъ пріемлемъ мы планъ, вами начертанный, и произведеніе онаго въ дѣйствіе предполагаемъ слѣдующимъ образомъ.... — въ чемъ, ввѣривъ вамъ главное начальство надъ арміей, даемъ вамъ полную власть и разрѣшеніе распространить всѣ поиски, кои къ пользѣ дѣла и къ славѣ оружія нашего служить могутъ... Посланникъ нашъ Булгаковъ имѣетъ ужь отъ насъ повелѣніе посылать дубликаты своихъ донесеній къ вамъ и предписанія ваши по службѣ нашей исполнять. Мы дали ему знать, что какъ скоро получитъ онъ отъ васъ увѣдомленіе о выѣздѣ его изъ Царьграда, долженъ будетъ предъявить Портѣ причины тому и требовать безопаснаго отъѣзда. Опъ останется тогда при васъ, и какъ со времени разрыва переписка съ визиремъ и всякіе къ миру приготовляніе переговоры должны между нами производиться, а мы по временамъ и обстоятельствамъ не оставимъ снабдить васъ всѣми тутъ нужными наставленіями, то вы и можете означеннаго посланника употребить подъ руководствомъ вашимъ для таковыхъ переговоровъ и слѣдующихъ изъ того постановлений“¹⁾.

Таково было *секретнѣйшее* повелѣніе императрицы, которое Потемкинъ отправилъ къ Булгакову, прибавляя къ тому, 13-го декабря 1786 года, слѣдующее: „Ея императорское величество желаетъ имѣть

¹⁾ *Русскій Архивъ* 1865, ст. 407—415.

полныя отъ Порты удовлетворенія. Я уполномоченъ удерживать ся право силою; войски въ полномъ движеніи. Одна только скорость исполненія отъ Порты требуемаго можетъ остановить дѣйствіе оружія. Ваше превосходительство имѣете по полученіи сего истребовать у Порты конференцію, на которой предложить, что дальнихъ отлагательствъ терпѣть мы не будемъ. Объясните имъ, что вы должны непродолжительно дать имъ знать о ея расположеніяхъ и что я уже на границѣ. Требованіе ея императорскаго величества состоитъ: 1) чтобъ отнюдь не были обезпокоиваемы границы царя Ираклія, какъ подданнаго ея величества; 2) чтобы ни одинъ бѣглець Россійской, какъ-то Запорожцы и имъ подобныя, не держались при Очаковѣ, но чтобъ они отосланы были за Дунай, 3) чтобы вариское и соляное дѣло окончены были немедленно на основаніи трактата и конвенціи; 4) объявить, что Закубанцы не перестаютъ дѣлать безпокойствъ и производить грабежи въ нашихъ границахъ похищеніемъ людей и отогнаніемъ скота, и что сіе безъ наказанія оставлено быть не можетъ. Вы изъясните имъ, что Россія терпѣла ихъ наглости изъ уваженія къ Портѣ, но что оное непрестанными отъ нихъ безпокойствами истощилось. Вы можете съ искренностью увѣрить министерство Порты, что ихъ недовѣренность къ нашей дружбѣ неосновательна и что желанія ея императорскаго величества свято основаны на сохраненіи мира. Сами они по прострапству и великости имперіи Россійской могутъ видѣть, пужно ли ея величеству желать распространенія предѣловъ. Сама натура положенія мѣстъ можетъ имъ доказать, что большое расширеніе владѣній ослабило бы Россію, напротивъ теперь, когда полученіемъ Крыма окружность границъ толь совершенно устроена. Представьте имъ ясныя доказательства, что вмѣсто укрѣпленій и исканій постороннихъ противу насъ пособій лучше для нихъ и полезнѣе прямо быть съ нами въ дружбѣ, которая непрерывнымъ наблюденіемъ обязанности столь усилится, что тишина и покой взаимный утвердятся на вѣки. Обратя же въ обоюдную пользу Богомъ дарованное изобиліе и плодосіе земель, мы распространимъ торговлю, которая привлечетъ въ оба государства корысти изъ всѣхъ странъ. Увѣрите ихъ, что, удовлетворя наши требованія, могутъ они ожидать на свои просьбы списхожденія. Представьте имъ посредство ваше видомъ собственнаго вашего удовольствія оказать услугу. Вы можете имъ ручаться о успѣхѣ, сказавъ о знакомствѣ нашемъ съ младенчества ¹⁾, и что вы со мною надѣетесь достигнуть всего возможнаго⁴.

¹⁾ Потемкинъ и Вулгаковъ были оба Москвичи и воспитанники Московскаго университета.

Немногимъ позже, 23-го декабря 1786 года, Потемкинъ, въ письмѣ къ Булгакову, продолжалъ жаловаться на всегдашнія нападенія хищныхъ сосѣдей царя Ираклія на Грузію, на „нелѣпныя условія“ договора, заключеннаго въ это время между Иракліемъ и Ахалцхскимъ пашею Солиманомъ. Этимъ договоромъ ограничивалось число русскихъ войскъ въ Грузіи, чѣмъ, разумѣется, Потемкинъ былъ крайне недоволенъ, и что онъ приписывалъ лишь торопливости и неопытности царя Ираклія. Договоръ не былъ приведенъ въ исполненіе, и попытка „отторженія Грузіи отъ державы Россійской“, какъ выразился Потемкинъ, не удалась. Онъ продолжаетъ въ письмѣ къ Булгакову: „Я, будучи съ одной стороны доволенъ уничтоженіемъ помянутыхъ условий, не могу быть безъ заботы о состояніи Грузіи, подверженной всегдашнимъ нападеніямъ хищныхъ своихъ сосѣдей. Паша не преминетъ производить все то, что только ко вреду и раззоренію сего царства служить можетъ; а въ такомъ случаѣ и нужно насильнѣйшее съ вашей стороны домогательство у Порты, чтобы царь Ираклій оставался былъ въ полной тишинѣ и спокойствіи отъ паша Ахалцхскаго, и чтобы онъ ни тайно, ни явно, ни самъ собою, ни чрезъ другихъ, не дерзалъ касаться границъ сего царства. Дайте чувствовать, что продолженіе чинимыхъ имъ своевольствъ неизбежно можетъ произвестъ непріятныя послѣдствія“.

28-го января 1787 года Потемкинъ снова писалъ Булгакову о „коварныхъ намѣреніяхъ Ахалцхскаго паша“ и требовалъ отъ посланника рѣшительныхъ дѣйствій предъ Портою, чтобы заставить ее сохранять миръ на Кавказѣ. „Весьма бы нужно вѣдать“, писалъ Потемкинъ, „достигъ ли мѣста своего чиновникъ, съ повелѣніями отъ Порты къ пашѣ Ахалцхскому посланный, или же не остановленъ ли. При открытіи умысленной его въ пути медленности имѣете долгъ требовать, чтобы съ подтвердительными повелѣніями другой надежный человекъ туда былъ посланъ, употребля въ семъ случаѣ кого-либо изъ вашей свиты,—развѣ бы уже Порта прямо насъ удостовѣрила въ медленномъ и точномъ доставленіи указовъ своихъ въ Ахалцхъ. Въ самое то время, когда въ покушеніяхъ паша Ахалцхскаго обнажаются вредные замыслы Порты объ отторженіи Грузіи изъ-подъ державы Россійской, разныя Закубанскіе народы, частъ отъ часу съ большею дерзостью и съ большими силами переходя на пашъ берегъ, нападаютъ на селенія и войска, стражу содержація, какъ то усмотрите изъ приложенной здѣсь записки. Сдѣлайте вопросъ министерству турецкому, почитаютъ ли они своими подданными Закубанцевъ,

и въ состояніи ли обуздать ихъ своевольствіе. Если они сіе на себя приемятъ, то твердо настоять имѣете, чтобы за всѣ непріятельскія ихъ дѣйствія полное и скорое доставлено было намъ удовлетвореніе, чтобы люди, скотъ и все прочее захваченное имущество тотчасъ было сискано и возвращено, чтобы дѣлавшіе набѣги были наказаны, какъ злодѣи и общаго спокойствія нарушатели и чтобы впаденія въ наши границы совершенно прекращены были. Но если Порта признаетъ неповиновеніе ихъ и неудобство воздержатъ ихъ набѣги, то мы уже сами принуждены будемъ подвергнуть ихъ жестокости наказанія, которое толь долго отлагаемо было изъ единого только къ Портѣ уваженія. Чѣмъ скорѣе вы доставите мнѣ свѣдѣніе о настоящихъ расположеніяхъ Порты и соотвѣтствіи на наши требованія, тѣмъ болѣе окажете мнѣ способствованія къ благовременнымъ расположеніямъ въ дѣлахъ мнѣ вѣренныхъ“¹⁾.

Такимъ образомъ, около того времени, когда Екатерина отправилась въ дорогу, все уже клонилось къ разрыву. Булгаковъ^{11/22}-го марта 1787 года писалъ къ Потемкину: „Дѣла день ото дня идутъ хуже, и надежды нѣтъ поправить всего, пока нынѣшній визирь рейсъ-эфенди и ихъ партія не перемянутся;... на сихъ дняхъ призванъ я былъ на конференцію, на коей требовали выдачи Молдавскаго господаря Маврокордато и читали разныя на насъ жалобы, кои хотя смѣха достойны, но явно доказываютъ желаніе министерства Порты къ намъ придираться и завести ссору... Судя по распоряженіямъ Порты, хотя и тайнымъ, ежели удастся ей какъ-нибудь поправить дѣла со стороны Скутарскаго Махмудъ-паши, обратитъ она главное попеченіе на Ахалцыхъ и употребитъ всѣ возможные происки въ разсужденіи царя Ираклія“²⁾.

При такомъ положеніи дѣлъ нельзя удивляться, что свроейскіе посланники въ Константинополѣ считали войну неизбѣжною. Въ особенности французскій посланникъ Шуазель-Гуфье часто сообщалъ графу Сегюру о рѣзкихъ требованіяхъ Булгакова. Сегюръ, во время пребыванія путешественниковъ въ Кіевѣ, обратился поэтому къ графу Безбородко съ требованіемъ объяснить ему положеніе дѣлъ, и главное, сказать, дѣйствуетъ ли Булгаковъ въ Константинополѣ сообразно съ инструкціями, данными ему правительствомъ, или руководствуется болѣе собственными соображеніями? Безбородко, въ отвѣтъ, жаловался

¹⁾ *Русскій Архив* 1865, ст. 415

²⁾ *Русскій Архив* 1866, ст. 1575.

на Порту, говорилъ о правахъ Россіи въ отношеніи къ царю Ираклю и замѣтилъ, что Россія съ полнымъ основаніемъ требовала отъ Порты лишь прекращенія набѣговъ Закубанцевъ. Или Порта, утверждалъ Безбородко, совершенно сообразно съ вышеприведенными изъясненіями Потемкина въ письмѣ къ Булгакову, должна признать Закубанцевъ своими подданными, и въ такомъ случаѣ, обязана наказывать ихъ, или же Порта не признаетъ ихъ своими подданными, но въ такомъ случаѣ, Россіи должно быть предоставлено право дѣйствовать противъ нарушителей мира независимо отъ Порты. Впрочемъ, Сегюру дали почувствовать, что Булгаковъ не получалъ отъ правительства инструкцій, которыя оправдывали бы рѣзкость его заявленій предъ Диваномъ, и что онъ дѣйствовалъ отчасти по внушеніямъ Потемкина, расположеннаго къ войнѣ. Сегюръ даже разказываетъ въ своихъ запискахъ, будто Екатерина въ бесѣдѣ съ нимъ упрекала Потемкина въ чрезмѣрной горячности (*sur sa précipitation*) и извинялась въ томъ, что сама ввела Булгакова въ заблужденіе, давъ ему инструкцію слишкомъ рѣзкаго содержанія; къ этому Екатерина прибавила, что Булгаковъ во всякомъ случаѣ дѣйствовалъ неправильно въ томъ отношеніи, что о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ не сообщалъ предварительно французскому посланнику Шуазель-Гуффе.

Все это не могло успокоить Сегюра, и онъ просилъ Шуазеля совѣтовать Туркамъ готовиться къ войнѣ. Положеніе Турціи казалось тѣмъ опаснѣе, что отъ императора Юсифа II можно было ожидать также наступательныхъ дѣйствій, и Французы убѣждали Порту соорудить флотъ, усилить гарнизоны въ пограничныхъ крѣпостяхъ и отправить войска къ берегамъ Дуная. За то русскіе министры были крайне недовольны Франціей. Потемкинъ рѣзко объяснялъ Сегюру, что вся Европа получитъ право обвинять Францію въ томъ, что эта держава постоянно защищаетъ варваровъ—Турокъ. Опъ намекалъ, что Франція могла бы выиграть отъ раздѣловъ Турціи, пріобрѣтеніемъ, на примѣръ, нѣкоторыхъ острововъ въ Архипелагѣ. Недовѣріе Россіи къ образу дѣйствій французской политики выразилось, между прочимъ, по поводу предполагаемой поѣздки одного изъ знаменитыхъ Французовъ, находившихся въ Кіевѣ, Ламета, въ Константинополь: Потемкинъ не хотѣлъ дать ему туда паспорта, хотя еще не было разрыва между Турціей и Россіей.

Между тѣмъ были отправлены въ Очаковъ французскіе инженеры и артиллеристы. И прусскій посланникъ въ Константинополь, Дницъ, и англійскій посланникъ Энсли (Ainsley), поддерживали воинственный

духъ Порты и говорили о необходимости вооруженій¹⁾. Въ особенности рейсъ-эфенди былъ въ началѣ 1787 года представителемъ партіи, желавшей разрыва съ Россіей. Однажды, въ бесѣдѣ съ прусскимъ посланникомъ, Дацомъ онъ замѣтилъ: „Чаша полна, нужно выпить ея. Правда, мы слабы, но Русскіе ошибаются, считая насъ совершенно погибшими. Ежели Богъ и наши друзья допустятъ истребленіе народа, но своему положенію приносящаго пользу всѣмъ и непричиняющаго вреда никому, то мы, по крайпей мѣрѣ, погибнемъ съ оружіемъ въ рукахъ; если же намъ удастся поправить свое положеніе, то мы справимся съ нашими коварными сосѣдями и достигнемъ мирнаго трактата прочнѣе существовавшихъ донинѣ²⁾“.

Однажды Сегюръ довольно рѣшительнымъ тономъ спросилъ Потемкина, отказывается ли Россія отъ своего предположенія уничтожить Турцію. Потемкинъ огнѣчалъ: „Разумѣется, мы принуждены оставить этотъ планъ, ибо вы не хотите понять, что христіанская держава или греческія республики гораздо лучше обезпечили бы ваши торговые интересы на востокѣ, чѣмъ упрямство, гордость и запосичивость мусульманъ. Однако, вы должны, по крайней мѣрѣ, согласиться, что нужно опредѣлить для Турціи болѣе удобныя границы, ради избѣжанія дальнѣйшихъ столкновеній“. „Я понимаю“, возразилъ Сегюръ, „вы хотите занять Очаковъ и Аккерманъ: это почти то же самое, что требовать Константинополь; это значитъ—объявить войну съ дѣлю сохраненія мира“. „Нѣтъ“, отвѣчалъ Потемкинъ, „но если насъ атакуютъ, мы вознаградимъ себя по своему усмотрѣнію. Впрочемъ, было бы возможно, лишь бы вы согласились, и безъ войны сдѣлать господарей Молдавскаго и Валахскаго независимыми, и такимъ образомъ вырвать эти христіанскія области изъ рукъ палачей и разбойниковъ“. „Вы сами“, замѣтилъ Сегюръ, „не считаете возможнымъ сдѣлать это безъ войны. Никогда Турки безъ урона не согласятся на подобныя уступки“³⁾.

Разговоръ этотъ происходилъ въ Кіевѣ. Въ обращеніи императрицы съ Сегюромъ стала замѣтна холодность. Въ особенности Русскихъ оскорбляло содѣйствіе французскихъ инженеровъ при приведеніи въ надлежащее оборонительное состояніе Очаковской крѣпости.

Между тѣмъ пріѣхалъ императоръ Іосифъ, и въ свою очередь

¹⁾ *Ségur, Mémoires, passim. Ségur, Tabl. 81.*

²⁾ Денеша Дица 24-го марта 1787 г., изъ Берлинскаго архива, у Германа, VI, 168.

³⁾ *Ségur, Mémoires, III, 109.*

замѣтилъ, что Екатерина желала дальнѣйшихъ завоеваній. 14/25-го мая онъ писалъ къ князю Кауницу изъ Херсона: „До сихъ поръ между нами говорено было лишь о предметахъ неважныхъ и частныхъ, въ бесѣдахъ нашихъ было гораздо болѣе веселости, нежели политики; главнымъ образомъ императрица желаетъ забавляться. Сегодня, однако, за столомъ, при звукахъ большого оркестра, завязалась политическая бесѣда. Императрица страстно желаетъ новой войны съ Турками и не слушаетъ никакихъ возраженій; самолюбіе и счастье ослѣпляютъ ее до того, что она считаетъ возможнымъ привести въ исполненіе все, что ей вздумается, и устранить всѣ затрудненія, могущія возникнуть со стороны Пруссіи и Франціи. Тщетно указывалъ я ей на эти затрудненія, и наконецъ, уклонился продолжать бесѣду, понимая, что въ настоящее время не возможно ее образумить. Она особенно гордится тѣмъ, что сдѣлано въ Херсонѣ, и придаетъ всему этому большую цѣну. Увидимъ: попытается ли она вновь начать рѣчь объ этомъ предметѣ, и будетъ ли возможно говорить съ нею откровенно“ 1).

Въ Херсонѣ Екатерина должна была убѣдиться, что отношенія между Россіей и Турціей становились все болѣе натянутыми. Около устья Днѣпра появилась турецкая обсервационная эскадра, состоявшая изъ нѣсколькихъ военныхъ судовъ. Екатерина была крайне недовольна, услышавъ объ этомъ. Разказываютъ о сдѣланномъ будто ею при этомъ случаѣ замѣчаніи: „Вы видите, что Турки забыли Чесменскую битву“ 2). Императрица не охотно отказалась отъ предполагавшейся побѣды въ Кибурнѣ, крѣпость, находившуюся въ небольшомъ отъ Очакова разстояніи и игравшую довольно важную роль во время военныхъ дѣйствій, происходившихъ нѣсколькими мѣсяцами позже 3). Только принцы де-Линь и Нассу-Зигенъ отправились, къ устью Днѣпра, осмотрѣть положеніе Очакова и взглянуть на турецкую эскадру, преграждавшую путь въ Кибурнѣ. Нассу, показывая на картѣ положеніе турецкихъ кораблей, предложилъ императрицѣ напасть на нихъ; она ничего не отвѣчала, но улыбалась, оттолкнула карту 4). Русскіе министры опять стали упрекать, Сегюра въ томъ, что Франція

1) *Arnetz*, Joseph II und Katharina, Wien, 1869, 292.

2) *Castela*, II, 128. Онъ увѣряетъ даже, что сама Екатерина видѣла турецкіе корабли, тогда какъ при разстояніи Херсона отъ устья Днѣпра это не возможно.

3) *Sigur*, III, 145.

4) *Ligne*, II, 17.

напрасно внушаетъ Портѣ излишнія опасенія; но Сегюръ возразилъ, что опасенія эти далеко не лишены основанія, и что пельзя было не предостеречь турецкое правительство. „Вообразите себѣ“, прибавилъ онъ, „чтобы султанъ, окруженный своими саповниками, въ сопровожденіи могущественнаго союзника, съ громаднымъ флотомъ и 150,000-мъ войскомъ явился въ Очаковѣ: можно ли бы было удивляться, если бы вы приняли нѣкоторыя мѣры предосторожности, привели бы въ оборонительное состояніе Херсонъ и думали бы о собраніи войскъ?“ Аргументація эта понравилась Екатеринѣ; холодность ея обращенія съ Сегюромъ мало-по-малу исчезла. Бесѣды о политикѣ имѣли, впрочемъ, характеръ веселой салонной болтовни. Принцъ де-Линь разказываетъ подробно, какъ онъ говорилъ о Грекахъ, объ Алкивиадѣ, а Екатерина — о Ликургѣ и Солонѣ, какъ говорили даже о возстановленіи греческихъ республикъ, а Іосифъ, не столько интересовавшійся древностью, сколько настоящимъ, спросилъ, между прочимъ, шутя, „Что же будетъ, въ случаѣ раздѣла Турціи, съ Константинополемъ?“ ¹⁾ Сегюръ утверждаетъ, что слухи о томъ, будто Іосифъ и Екатерина, во время поѣздки, согласились возстановить Грецію, были лишены всякаго основанія. И Іосифъ, и графъ Кобенцель старались препятствовать разрыву. Въ бесѣдѣ съ Сегюромъ императоръ замѣтилъ, что раздѣлъ Турціи не возможенъ уже потому, что Константинополь остался бы всегда яблокомъ раздора между державами, участвующими въ раздѣлѣ ²⁾. Утверждаютъ, что Іосифъ не желалъ войны, но связанъ былъ обязательствомъ участвовать въ ней, въ случаѣ нападенія со стороны Турціи на Россію; что онъ старался обратить вниманіе императрицы на затруднительное положеніе Австріи, на нерасположеніе къ ней Пруссіи, на революцію въ Бельгіи и т. п. Проектъ объ обмѣнѣ Бельгіи на Баварію казался ему важнѣе раздѣла Турціи ³⁾. Князь Кауницъ, при отъѣздѣ императора въ Россію, совѣтовалъ, по возможности, дѣйствовать на Екатерину въ видахъ сохраненія мира ⁴⁾. Изъ Севастополя Іосифъ писалъ своему министру: „Императрица очень весела и довольна. Успѣхъ ея предпріятій до того подѣйствовалъ на ея воображеніе, что я не ожидаю

¹⁾ *Ligue*, II, 24.

²⁾ *Tabl. 92., Mém.*, III, 149.

³⁾ Донесенія Гельбига отъ 4/10-го іюня, 20/31-го іюля, 10/31-го августа 1787 г. у *Геррмана*, «*Gesch. d. russ. Staats*».

⁴⁾ *Prémisses Armeta*, XXVII.

особеннаго впечатлѣнія отъ записки, составленной вами и привезенной мною. Я намѣренъ ждать для передачи этой записки окончанія нашего путешествія" ¹⁾. За то Сегюръ, именно въ Севастополѣ, гдѣ болѣе чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ бросалась въ глаза вѣроятность предстоящей борьбы съ Турціей, сказалъ Екатеринѣ: „Вашему величеству удалось уничтожить воспоминаніе о Прутскомъ дѣлѣ 1711 года. Вы превратили хищныхъ Запорожцевъ въ полезныхъ подданныхъ, покорили Татаръ, бывшихъ угнетателями Россіи. Наконецъ, устройствомъ Севастопольскаго порта вы довершили на югѣ то, что Петромъ Великимъ сдѣлано на сѣверѣ. Вамъ предстоитъ теперь лишь одна задача: пріобрѣсти славу, заселивъ и ожививъ огромныя завоеванныя стѣны“. Екатерина стала опять весьма ласково обращаться съ Сегюромъ. Правда, въ Херсонѣ она намекнула, что если онъ желаетъ, то можетъ уѣхать на время во Францію, но когда онъ потребовалъ объясненія этихъ словъ, то императрица отвѣчала: „Я только немного сердилась на васъ за визитъ, сдѣланный намъ у устъ Днѣпра вашими умными воспитанниками, бородами Турками" ²⁾. Опасенія Сегюра не прекращались. Еще въ Бахчисарай принцъ де-Линъ увѣрялъ его, будто подслушалъ разговоръ между Екатериной и императоромъ о возстановленіи греческихъ республикъ ³⁾. Приготовляясь возвратиться въ Австрію, Іосифъ еще разъ бесѣдовалъ съ Сегюромъ о восточномъ вопросѣ. Французскій посланникъ былъ убѣжденъ, что въ случаѣ войны Россія восторжествуетъ, и утверждалъ, что развѣ только Австрія можетъ сдержать ее. Іосифъ указывалъ на невозможность для Россіи завладѣть Константинополемъ, на опасности, грозившія ей со стороны Швеціи, на несовершенство ея военной организаціи. Сегюръ повторялъ, что непременно должно воспрепятствовать расширенію границъ Россіи до Днѣстра, на что Іосифъ возражалъ: „Я дѣлаю что могу, но вы сами видите: эта женщина увлекается. Я считаю войну возможною. Если бы во главѣ русскаго парода стоялъ какой-нибудь Карлъ XII, то онъ съ 60.000-мъ войскомъ распространилъ бы ужасъ до крайнихъ предѣловъ Европѣ" ⁴⁾.

На возвратномъ пути въ Петербургъ Потемкинъ разстался съ путешественниками и отправился на югъ, какъ-бы для принятія мѣръ

¹⁾ *Arnetz*, 292. Къ сожалѣнію, объ этой запискѣ нигдѣ не говорится въ другомъ мѣстѣ.

²⁾ *Mém.*, III, 158.

³⁾ *Mém.*, III, 189.

⁴⁾ *Mém.*, III, 207—214.

на случай войны ¹⁾). Сегюръ сильно беспокоился и постоянно обращался съ запросами къ министрамъ Екатерины. Въ своихъ запискахъ онъ жалуется на то обстоятельство, что въ Россіи все происходило въ глубокой тайнѣ, что развѣ только Екатерина, Безбородко да Потемкинъ знали положеніе дѣлъ. А между тѣмъ Безбородко увѣрялъ Сегюра въ томъ, что Россія расположена въ пользу мира; Сегюръ же настаивалъ, чтобъ отношенія между Портой и Россіей были опредѣлены точнымъ образомъ и указывалъ на значительныя силы и средства Турціи для обороны, допуская притомъ, что эта держава, еслибъ желала дѣйствовать наступательно, не могла бы внушать никому серьезныхъ опасеній ²⁾).

Принцъ де-Липъ во время путешествія изъ Крыма въ С.-Петербургъ не разъ выражалъ убѣжденіе, что войны не миновать. Уже изъ Партенита онъ писалъ, что охотно приступилъ бы къ разнымъ работамъ въ помѣстьи, подаренномъ ему императрицею, но что этому помѣшаетъ „война, которая будетъ слѣдствіемъ нашего путешествія“ ³⁾). Изъ Тулы онъ писалъ, что не ожидаетъ болѣе получать писемъ отъ своихъ друзей, потому что скоро откроются военныя дѣйствія съ Турціей ⁴⁾). Въ Москвѣ онъ заключилъ одно изъ своихъ писемъ слѣдующими словами: „До удовольствія видѣться съ вами (въ Парижѣ), или же писать вамъ изъ Константинополя, если дѣла еще болѣе запутаются“.

Дѣйствительно, дѣла все болѣе запутывались, преимущественно въ самомъ Константинополѣ, куда, послѣ своего пребыванія въ Херсонѣ, Вулгаковъ возвратился съ новыми инструкціями. Программа, установленная въ Херсонѣ Сегюромъ, Фицъ-Гербертомъ, Кобенцелемъ, Безбородкомъ, Гербертомъ и Вулгаковымъ, казалась императору Іосифу весьма удовлетворительною. Сегюръ, однако, не возлагалъ на нее никакихъ надеждъ.

О конференціяхъ въ Херсонѣ мы знаемъ весьма мало, а равно не богаты свѣдѣніями и о событіяхъ въ Константинополѣ до заключенія Вулгакова въ Семибашенный замокъ. Нѣкоторыя данныя дозволяютъ намъ, однако, опредѣлить слѣдующіе факты.

Предложенія русскаго правительства, условенныя въ Херсонѣ, никакимъ образомъ не могли имѣть значенія ультиматума, не могли

¹⁾ *Mém.*, III, 223.

²⁾ *Ségur*, *Mém.*, III, 240.

³⁾ *Ligne*, II, 37.

⁴⁾ *Ligne*, II, 59.

повести къ разрыву. То же самое можно сказать и о требованіяхъ Оттоманской Порты, заявленныхъ въ Константинополѣ въ конференціи, состоявшейся 15/26-го іюля. Но еще до этого времени Булгаковъ передалъ ноту съ требованіями, гораздо болѣе широкими, чѣмъ тѣ, которыя были условлены въ Херсонѣ. Наконецъ, около половины августа Порты стала настаивать на возвращеніи Крымскаго полуострова и этимъ самымъ, разумѣется, подала поводъ къ разрыву, такъ что, послѣ рѣшительнаго отказа Булгакова, послѣдовало заключеніе русскаго посланника въ Семибашенный замокъ и объявленіе войны султаномъ.

На эти четыре момента: 1) предложенія Булгакова, 2) требованія Порты 15/26-го іюля, 3) требованія Порты 17/28-го августа и 4) объявленіе войны мы должны обратить вниманіе.

Сегюръ, участвовавшій въ засѣданіяхъ министровъ и дипломатовъ въ Херсонѣ, сообщаетъ о предложеніяхъ Россіи слѣдующее. Было опредѣлено, чтобы ни съ той, ни съ другой стороны не было упоминаемо о Грузіи; чтобы Порты заставила Алжирцевъ возвратить захваченныя ими русскія суда; чтобы были наказаны Закубанцы, ваявшіе въ плѣнъ 1000 человекъ Русскихъ; чтобы Порты сдерживала Запорожцевъ, находившихся по ту сторону Буга; чтобы Турки дозволялись покупкой условленнаго количества соли въ Крыму; чтобы Порты не настаивала на выдачѣ бѣжавшаго въ Россію господаря Маврокордато; чтобы были наказаны тѣ лица, которыя на островахъ Родосѣ и Кандіи освободили русскихъ консуловъ.

Булгаковъ долженъ былъ сообщить объ этихъ предложеніяхъ въ Константинополѣ французскому посланнику Шуазель-Гуфье, и затѣмъ, представить ихъ дивану. Такимъ образомъ, требованія Россіи были бы поддержаны и Австріей (такъ какъ Кобенцель и Гербертъ участвовали въ редакціи упомянутыхъ условій), и Франціей послѣ одобренія ихъ представителями этой державы, Сегюромъ и Шуазелемъ. Сегюръ, впрочемъ замѣчаетъ, что хотя и самое содержаніе требованій Россіи было довольно умѣренное, много зависѣло отъ образа дѣйствій русскаго посланника. Рѣзкость его тона и заносчивость въ сношеніяхъ съ турецкими сановниками легко могли имѣть слѣдствіемъ отказъ со стороны Порты; отказъ же повелъ бы, разумѣется, къ дальнѣйшимъ непріязненнымъ заявленіямъ съ той и съ другой стороны ¹⁾. Значительное войско находилось ужь около турецкихъ границъ. Понятно, что и Потемкинъ, и Булгаковъ могли,

¹⁾ *Ségur, Mém., III, 153.*

разчитывая на это обстоятельство, увлечся, и чрезмѣрными требованіями заставилъ Порту объявить войну. Современники дѣйствительно придавали большое значеніе условіямъ, опредѣленнымъ въ Херсонѣ; но подробныя свѣдѣнія о томъ, что было рѣшено въ Херсонѣ, могли имѣть лишь весьма немногія лица ¹⁾.

О томъ, какъ Булгаковъ по возвращеніи своемъ, велъ себя въ Константинополѣ, мы не имѣемъ почти никакихъ данныхъ ²⁾. Прусскій посланникъ Дицъ утверждалъ, что русскій уполномоченный истратилъ 500.000 руб. для подкуповъ съ тою цѣлью, чтобы низвергнуть турецкое министерство, не соглашавшееся на уступки и отвергавшее исполнить требованія Россіи. Что же касается до этихъ требованій, то очевидно, представленія Булгакова не ограничивались условіями мира, опредѣленными въ Херсонѣ. Булгаковъ требовалъ гораздо болѣе. По свѣдѣніямъ Германа, Булгаковъ требовалъ слѣдующаго: допущенія Турціей учрежденія русскаго консульства въ Варнѣ, признанія верховной власти Россіи надъ Грузіей, заключенія съ Россіей договора, на основаніи котораго Молдавія и Валахія сдѣлались бы наследственными и почти вполне независимыми отъ Порты государствами; затѣмъ, Россія домогалась уступки всей Бессарабии на томъ основаніи, что эта область когда-то принадлежала Крымскимъ ханамъ, и слѣдовательно, вѣсть съ Крымомъ, должна была поступить во владѣніе Россіи; наконецъ, требовали еще уступки Россіи гавани Буюкъ-Дере, близъ самаго Константинополя, для того, чтобы она могла служить пріютомъ для русскихъ кораблей, а также постройки православной церкви въ турецкой столицѣ ³⁾.

Если это такъ, то очевидно, что на подобныя требованія никогда не согласились бы посланники Австріи и Франціи, участвовавшіе въ Херсонскихъ конференціяхъ. Получилъ ли Булгаковъ, съ того времени какъ уѣхалъ изъ Севастополя, новыя инструкціи, и отъ кого

¹⁾ Самойловъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1867 г., ст. 1234, «препорученія, кои должны были разрушить сомнѣнія двора нашего о намѣреніяхъ Порты». *Записки Энгельгардта*, 66. «Булгакову приказано было подать ноту, въ которой между прочимъ требовано: чтобы Турція позволила имѣть консула въ Варнѣ, чтобы признала Ираклія русскимъ вассаломъ; чтобы Порта обузда Татаре закубанскихъ, чтобы объявила о своихъ военныхъ приготовленіяхъ и чтобы отвѣтъ на все это былъ данъ немедленно». Очевидно тутъ говорится не о Херсонской программѣ, а о требованіяхъ Булгакова въ Константинополѣ, независимо отъ этой программы.

²⁾ *Визт*, II, 485.

³⁾ *Негтманн*, VI, 168.

именно, изъ Петербурга ли, или отъ князя Потемкина, намъ не извѣстно. Мы не знаемъ также, когда именно передалъ онъ ноту, которая должна была усилить взаимное раздраженіе. Сомнѣваться же въ томъ, что онъ дѣйствительно ее представилъ, не возможно потому, что и изъ другого, весьма полномѣснаго источника мы знаемъ объ этихъ требованіяхъ, а именно изъ записки князя Щербатова о шведской и турецкой войнахъ. Тамъ сказано слѣдующее:

„Россія весьма была отдалена начинать войну, думая негосіаціями все получить; а требованія свои простирала такія, чтобы и послѣ навильнѣйшихъ пораженій Турокъ едва ли могла имѣть болѣе. Она состояла: унять горскіе народы отъ ихъ войны, или, по крайней мѣрѣ, не давать никакой помощи; отдать знатную часть Бессарабіи, яко принадлежащую Крыму; позволить даже и военнымъ кораблямъ проходить мимо Константинополя въ Средиземное море; позволить учредить во многихъ мѣстахъ консулей россійскихъ. Не знаю я, что о требованіяхъ Бессарабіи Турки отвѣтствовали, по думаю, что безъ смѣха и слышать ихъ не могли; но видно изъ иностранныхъ вѣдомостей, что о унятїи Горцевъ они отвѣчали, что сіи есть народы имъ не подвластные, а потому они ихъ унять не могутъ; помощи никакой имъ не даютъ, но что они нужное себѣ чрезъ торговлю въ областяхъ турецкихъ получаютъ, то они сего запретить не могутъ, чтобы подданные Порты Оттоманской для того съ Горцами не торговали, что Россія съ ними воюеть; однако, и въ семъ случаѣ дадутъ имъ повелѣніе, чтобы имъ ружья и пороху не продавали, — повелѣніе, которое никогда, однако, учинено не было; хотя долго спорили о пропускѣ военныхъ кораблей въ Средиземное море, но наконецъ согласились, да кажется и нужды имъ не было не согласиться; потому, пропуская по одному и по два, никогда сіи корабли опасности Константинополю не приключали, а прошедши Дарданеллы въ маломъ числѣ, и бывши въ ихъ водахъ безъ порта и убѣжища въ случаѣ пачатїи войны, всегда въ турецкой волѣ находились“¹⁾.

Судя по разказу князя Щербатова, можно полагать, что переговоры объ этихъ требованіяхъ шли въ Константинополѣ. Эти переговоры должно отнести къ іюню или къ іюлю 1787 года. Булгаковъ, выѣхавъ изъ Севастополя въ послѣднихъ числахъ мая, могъ въ началѣ іюня передать ноту съ требованіями, согласными съ программой, состоявшеюся въ Херсонѣ, могъ немного поздиѣе получить

¹⁾ Въ *Ученіяхъ Московскаго общества Исторіи и Древностей* 1860 г., I, 77—80.

инструкціи другого содержанія и затѣмъ вручить ноту, на которую Порты должна была отвѣчать отказомъ ¹⁾).

Графъ Сегюръ, въ запискахъ котораго не встрѣчается никакой замѣтки о требованіяхъ Булгакова, несогласныхъ съ постановленіями дипломатовъ въ Херсонѣ, чуть ли не обвиняетъ Порту въ томъ, что ея упрямство могло легко повести къ катастрофѣ. Онъ говоритъ: „Я узналъ, что визирь, подстрекаемый посланниками Англій и Пруссій, принялъ предложенія г. Булгакова неблагоприятно и отвѣчалъ очень рѣзко. Г. Шуазель, однако, надѣялся устранить визиря, ослѣпленіе котораго могло легко погубить Оттоманскую имперію“ ²⁾. И изъ этого разказа можно, пожалуй, заключить, что Булгаковъ сначала требовалъ меньше, а затѣмъ, получивъ новыя инструкціи, представилъ другую ноту.

Порта не только не согласилась на условія, предложенныя Булгаковымъ, но съ своей стороны заявила требованія въ довольно рѣзкой нотѣ. ^{15/26}-го іюля рейсъ-эфенди передалъ русскому посланнику ультиматумъ слѣдующаго содержанія. Порта требовала немедленнаго удаленія изъ Яссы, Букареста и Александріи русскихъ консуловъ, старавшихся будто бы нарушить миръ между Россіей и Турціей, удаленія русскихъ войскъ изъ Тифлиса и Грузіи вообще, и признанія царя Ираклія вассаломъ Порты; выдачи бѣглаго Молдавскаго господаря Маврокордато; допущенія во всѣхъ русскихъ гаваняхъ и торговыхъ мѣстахъ турецкихъ консуловъ на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ русскіе консулы допускались въ турецкихъ городахъ; права подвергать тщательному осмотру всѣ русскіе корабли, выходящіе изъ Чернаго моря; продажи въ Киббурнѣ жителямъ Очакова неограниченнаго количества соли ³⁾.

Булгаковъ не отвѣчалъ на все это безусловнымъ отказомъ; только на первыя четыре предложенія онъ не соглашался; что же касалось до двухъ послѣднихъ, то онъ предложилъ снестись съ Петербургскимъ кабинетомъ для полученія инструкцій. Онъ желалъ, кажется, выиграть

¹⁾ ¹⁾ *Herrmann*, II, 169. Странно, что ни г. Соловьевъ въ «Исторіи паденія Польши», ни Германъ не обратили вниманія на разницу между Херсонскими соглашениями и требованіями Булгакова.

²⁾ *Séjour*, III, 251.

³⁾ *Herrmann*, VI, 169. Требованіе касательно учрежденія турецкихъ консульствъ въ русскихъ городахъ казалось весьма справедливымъ князю Щербатову, который замѣчаетъ: «О консулахъ они не никакъ спорили, какъ требую того же права имѣть и своихъ консуловъ въ Россіи, въ чемъ отказано было».

время для того, чтобы въ Россіи могли съ большимъ удобствомъ окончить всѣ приготовленія къ войнѣ. Еще наканунѣ своего заключенія въ Семибашенный замокъ, Булгаковъ хвалился тѣмъ, что своимъ образомъ дѣйствій отсрочилъ начало войны, такъ что Россія могла, какъ онъ надѣялся, употребить всю зиму на вооруженіе ¹⁾).

Турецкая нота, какъ уже сказано выше, была представлена Булгакову ^{15/26-го} іюля. Немного позднѣе, ^{22-го іюля} ^{2-го августа}, онъ писалъ въ правителю Таврической области, Каховскому, что дѣла въ Турціи день ото дня идутъ хуже, что безумію визиря нѣтъ предѣловъ, и что потому со стороны Россіи должны быть приняты всѣ мѣры предосторожности. То же самое твердилъ онъ и Потемкину, и приказывалъ директору таврическихъ карантинныхъ обходиться съ прѣвѣжающими Турками какъ можно ласковѣе и не давать ни малѣйшаго повода къ оскорбленіямъ. ^{1/12-го} августа Булгаковъ писалъ Каховскому, что султанъ не соглашается на войну и удерживаетъ визиря отъ разрыва, но что воинственныя приготовленія продолжаются изъ опасенія, чтобы со стороны Россіи „чего не послѣдовало“ ²⁾). Съ послѣднимъ показаніемъ не согласуется слѣдующее донесеніе прусскаго посланника Дидца, 10-го октября 1787 года: „Я всегда утверждалъ, для опроверженія ложныхъ слуховъ, распространенныхъ на этотъ счетъ въ Европѣ, что Порта положительно рѣшилась противиться насилію своихъ сосѣдей. Я досталъ тайный приказъ султана къ визирю, до объявленія манифеста о войнѣ, и тамъ нашелъ слова: *присутнить къ войнѣ во что бы то ни стало*“ ³⁾). Слова эти выражаютъ отчаяніе и доказываютъ, что печальная необходимость потрясла даже мирное расположеніе вроткаго государя“ ⁴⁾).

Графъ Сегюръ, находившійся въ это время въ перепискѣ съ австрійскимъ посланникомъ въ Константинополѣ Гербертомъ, узналъ отъ сего послѣдняго о мирномъ расположеніи султана, который самъ присутствовалъ при конференціяхъ министровъ и старался содѣйствовать сохраненію мира, но затѣмъ поддакъ вліянію визиря, желавшаго войну. Такимъ образомъ, было рѣшено собрать большой совѣтъ ^{2/12-го} августа. Присутствовавшимъ строжайшимъ образомъ было

¹⁾ Донесеніе Дидца отъ 28-го августа 1787 г., у *Германа*, VI, 170.

²⁾ *Записки Одесскаго Общества Исторіи*, II, 762.

³⁾ Въ приказѣ султана визирю, сообщенномъ *Колотовымъ*, III, 246 — 247, такой ервы не встрѣчается; тѣмъ не менѣе можно считать вѣроятнымъ, что Дидцъ говоритъ объ этомъ же приказѣ.

⁴⁾ *Herrmann*, VI, 170.

приказано сохранять въ тайнѣ происходившее въ этомъ засѣданіи, въ которомъ было рѣшено пригласить Булгакова на конференцію. Гербертъ, узнавъ объ этомъ приглашеніи, обезпokoился и сдѣлалъ запросъ: по какому поводу приглашенъ Булгаковъ. Ему отвѣчали, что это дѣло до него не касается. „Не забудьте“, замѣтилъ баронъ Гербертъ, „что г. Булгаковъ состоитъ посланникомъ державы, находящейся въ союзѣ съ императоромъ, и что интересы обоихъ государствъ тѣсно связаны“. На это отвѣтили, что самъ визирь, если пожелаетъ, можетъ сообщить г. Герберту о поводахъ къ приглашенію Булгакова на конференцію; но ни отъ Юсуфа-паши, ни отъ рейсъ-эфенди Гербертъ не могъ добиться объясненія. Французскій посланникъ Шуазель-Гуфье также тщетно старался сдерживать Порту и склонить турецкое правительство къ болѣе осторожному образу дѣйствій. Ни Гербертъ, ни Шуазель не догадывались, что ожидало Булгакова въ этой роковой конференціи.

Булгаковъ отправился въ засѣданіе, гдѣ его упрекали въ томъ, что онъ во время путешествія императрицы грозилъ вторженіемъ въ предѣлы Турціи 60.000 войска, подъ начальствомъ князя Потемкина; далѣе требовали немедленнаго возвращенія Крымскаго полуострова. На отрицательный отвѣтъ Булгакова ему было объявлено, что съ этой минуты миръ считается нарушеннымъ; и что русскаго посланника отправятъ въ Семибашенный замокъ. Булгакову дозволили назначить нѣсколькихъ лицъ посольской канцеляріи, которыя бы могли раздѣлить съ нимъ заключеніе; а затѣмъ на великолѣпно убранномъ конѣ, окруженнаго богатою стражей, его отвезли въ Семибашенную, гдѣ было приготовлено для него удобное помѣщеніе въ изящномъ кіоскѣ, и куда ему дозволили привезти мебель и прочіе необходимые предметы.

Вскорѣ послѣ того Булгаковъ писалъ объ этомъ происшествіи слѣдующее: „Поселили меня въ домъ коменданта. Поступаютъ со мною учтиво, но не допускаютъ никого, не только ко мнѣ, но даже и въ крѣпость. Интернунцій сколь ни старался обо мнѣ, всегда съ презрѣніемъ и даже съ ругательствомъ былъ отвергаемъ. Въ несчастіи моемъ нашелся, однако, человекъ, который оправдалъ совершенно и мою довѣренность и свою преданность къ высочайшему двору, а именно г. Гонфрисъ, датскій агентъ. Онъ въ самый день моего заключенія изыскалъ средства прислать ко мнѣ все нужное, и находить оныя понинѣ меня кормить, содержать, утѣшать и доставлять извѣстіе о происходящемъ. Сколь ни скоропостижно меня схватили, успѣлъ я скрыть важнѣйшія бумаги, цифры, архивъ моего

времени, дорогія всци и проч. Казва также въ цѣлости, хотя и не велика" ¹⁾).

Заключеніе русскаго посланника вызвало протестъ со стороны Герберта и Шуазеля ²⁾. Каково, однако, было раздраженіе Порты, видно изъ ея манифеста о войнѣ отъ 24-го августа 1787 года, гдѣ говорится о притязаніяхъ Россіи со времени Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, объ образѣ дѣйствій ея въ отношеніи къ Маврокордато, къ царю Ираклію, къ вопросу о торговлѣ солью; объ интригахъ русскихъ консуловъ въ Молдавіи и Валахіи; о томъ, что Булгаковъ во время путешествія Екаторины грозилъ нападеніемъ на Турцію Потемкина съ 70.000 войскомъ, изъ чего было видно, что Россія намѣревалась дѣйствовать совершенно также, какъ дѣйствовала при занятіи Крыма. Къ заключеніе сказано: „Поскольку все сіе отъ того единственно происходитъ, что Крымъ находится въ рукахъ россійскихъ, то вслѣдствіе сего Высочая Порта и требовала, дабы земля сія паки приведена была въ первобытное положеніе" ³⁾. Въ рескриптѣ къ визірю султанъ также говоритъ о необходимости объявить войну Россіи за „нарушеніе трактатовъ чрезъ отторженіе странъ, принадлежавшихъ Портѣ. „Всякій знаетъ“, продолжаетъ султанъ, „учиненное Россіянами насильственное стяжаніе Крыма. Всему свѣту извѣстно множество ихъ судонъ, въ Черномъ морѣ плавающихъ. Чтѣ долженъ чувствовать каждый, ищущій хотя нѣкоторую искру закона въ сердцѣ своемъ?“ и т. д. ⁴⁾.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, можно прійти къ слѣдующему заключенію. Порта рѣшилась воевать изъ-за Крыма, а поводомъ къ объявленію войны, кромѣ вопросовъ о Маврокордато, турецкихъ и русскихъ консулахъ и набѣгахъ Закубанцевъ, должно считать главнымъ образомъ демонстрацію, заключавшуюся въ путешествіи Екаторины и въ поимленіи близъ турецкихъ границъ значительнаго количества войскъ подъ начальствомъ Потемкина. Не столько важны, какъ обыкновенно полагаютъ, дѣйствія прусскаго и англійскаго кабинетовъ. Хотя и Оусли, и Дицъ поддерживали, въ свою очередь, непѣвисть Турокъ къ Россіи, но и безъ нихъ Порта должна была сознавать опасность. Разумѣется, она обманывалась на счетъ своихъ силъ и не могла разчитывать на союзниковъ.

¹⁾ Письмо отъ 25-го августа. *Соловьевъ*, Паденіе Польши, 173.

²⁾ *Séguir*, Mémoires, III, 268 — 270.

³⁾ *Колотовъ*, III, 243—246.

⁴⁾ *Колотовъ*, III, 248.

Въ первыхъ числахъ августа (старого стиля) Булгаковъ былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ. Въ то же самое время, 5-го августа, Храповицкій замѣтилъ въ своемъ журналѣ: „Графъ А. А. Безбородко отозвался, что, можетъ быть, безъ дѣла съ Турками не обойдется, и отъ того зависить прїѣздъ князя Потемкина-Таврическаго“. Доказательствомъ того, что графъ Сегюръ даже и въ послѣднихъ числахъ августа не считалъ особенно вѣроятнымъ разрывъ съ Турціей, служитъ то обстоятельство, что онъ взялъ отпускъ, желалъ на нѣкоторое время отправиться во Францію, и откланившись уже императрицѣ ^{25-го августа} ~~5-го сентября~~, готовился съѣсть въ дорожный экипажъ когда ему дали знать, что вслѣдствіе полученія важныхъ извѣстій изъ Константинополя, императрица желаетъ видѣться съ нимъ. Сегюръ тотчасъ же отправился въ эрмитажъ, гдѣ императрица, послѣ окончанія обыкновеннаго спектакля, сказала ему: „Знаете, графъ, что я, быть можетъ, уже въ эту минуту вовлечена противъ желанія въ войну съ Турками, грозившими посадить по своему варварскому обычаю моего посланника въ Семибашенный замокъ“. Сегюръ отвѣчалъ, что напротивъ того Шуазель-Гуфье, судя по послѣднимъ извѣстіямъ, надѣялся успокоить Порту, и что при умѣренности требованій Россіи можно надѣяться на сохраненіе мира, хотя посланники англійскій и прусскій стараются возбуждать Порту къ объявленію войны. По мнѣнію его, главнымъ виновникомъ воинственнаго настроенія умовъ въ Константинополѣ былъ визирь; но Екатерина возразила, что и рейс-эфенди желаетъ войны, и что Турція истратила много денегъ на вооруженіе. На другой день Сегюръ видѣлся съ министрами Екатерины, которые, однако, выразили надежду, что война будетъ объявлена Турціей не ранѣе, какъ весной, и что согласно съ инструкціями Булгакова, послѣдній имѣетъ возможность дѣлать уступки ¹⁾).

Изъ всего этого видно, что Сегюръ былъ убѣжденъ, что Россія ограничилась требованіями, поставленными въ Херсонѣ; онъ и не подозрѣвалъ, что Булгаковъ предложилъ совсѣмъ другія условія мира, на которыя Порты не хотѣла согласиться.

Два или три дня послѣ упомянутой бесѣды Сегюра съ Екатериной и ея министрами, было получено извѣстіе о заключеніи Булгакова въ Семибашенную. 31-го августа было по этому поводу засѣданіе совѣта, въ которомъ явилась сама императрица и участвовали: графъ Брюсъ, графъ Мусинъ-Пушкинъ, графъ Н. И. Салтыковъ, графъ

¹⁾ *Ségur*, III, 256.

Шуваловъ, графъ Воронцовъ, Стрекаловъ и Завадовскій ¹⁾). Отъ Шувалова узнали, между прочимъ, что онъ и Гербертъ тщетно уговаривали диванъ ждать отвѣта на свои предложенія изъ Петербурга ²⁾). При всемъ томъ, Сегюръ считалъ князя Потемкина главнымъ виновникомъ разрыва и утверждалъ, что посланники Англіи и Пруссіи не успѣли бы заставить Порту объявить войну Россіи, если бы Булгаковъ, подстрекаемый Потемкинымъ, не испортилъ дѣла окончательно своею надменностью, и если бы Потемкинъ не сдѣлалъ демонстраціи, собирая столь многочисленное войско на границахъ Турецкой имперіи. Марковъ и Безбородко, въ свою очередь, упрекали Сегюра въ томъ, что онъ своими письмами изъ Кіева содѣйствовалъ къ сильному раздраженію Порты. Сегюръ возражалъ, что всѣ мѣры, принятыя Портою вслѣдствіе его предостереженій, имѣли характеръ оборонительный, и что лишь путешествіе Екатерины, появленіе большаго войска и флота, надменность Булгакова и надпись въ Херсонѣ: „Дорога въ Византію“, заставили Порту вооружиться ³⁾).

Не смотря на это, отношенія между Екатериной и графомъ Сегюромъ оставались дружественными. Французскій посланникъ рѣшился отложить свое путешествіе во Францію до болѣе удобнаго времени. Онъ часто находился при дворѣ и былъ гостемъ въ эрмитажѣ, гдѣ именно въ это время Екатерина поставила на сцену, весьма благосклонно припаятую публикѣ, трагедію его „Коріолапъ“. Сегюръ старался заключить тѣсный союзъ между Франціей и Россіей; думалъ о трактатѣ между Россіей, Австріей, Испаніей и Франціей. Французскій посланникъ въ Константинополѣ хлопоталъ объ освобожденіи Булгакова изъ заключенія.

Французское правительство не въ такой мѣрѣ однако, какъ Сегюръ, было расположено въ пользу Россіи. Къ тому же, вскорѣ послѣ открытія военныхъ дѣйствій, началась во Франціи революція, и Сегюръ выѣхалъ изъ Петербурга. Швеція готовилась къ войнѣ. Пруссія и Англія относились къ Россіи враждебно; за то на Австрію Екатерина могла вполне разчитывать. Хотя Іосифъ, какъ мы видѣли, не одобрялъ дѣйствій Екатерины въ восточномъ вопросѣ, но считалъ своимъ долгомъ всецѣло исполнять условія договора, заключеннаго имъ

¹⁾ Зап. Храповицкаго.

²⁾ Безбородко, разказываетъ Сегюру, утверждалъ, что Порта немедленно послѣ возвращенія Булгакова изъ Херсона, требовала возвращенія Тавриды; это показаніе противорѣчитъ другимъ и не можетъ считаться справедливымъ.

³⁾ *Ségur*, III, 262.

съ императрицею въ 1781 году. Интернунцій Гербертъ старался сдерживать Порту, совѣтовалъ не объявлять войны Россіи и замѣтилъ, что Іосифъ II будетъ сильно оскорбленъ такимъ образомъ дѣйствій Порты, но ничто не помогало.

Тотчасъ же по полученіи извѣстія о случившемся въ Константинополѣ, Іосифъ писалъ къ императрицѣ (19/30-го августа): „Вы уже знаете о нагломъ образѣ дѣйствій Турокъ въ отношеніи къ вашему посланнику, вопреки самымъ настоятельнымъ требованіямъ моего интернунція. Конечно, нужно было положительно сойдти съ ума, чтобъ осмѣлиться поступить такъ, какъ поступили Турки. Я понимаю ваше негодованіе и раздѣляю оное. Очень сожалею, что мы въ эту минуту не находимся въ Севастополѣ, откуда отправились бы въ Константинополь привѣтствовать султана и его неразумныхъ совѣтниковъ пушечными выстрѣлами. Что касается меня, то я, согласно съ обязательствами союзнаго договора, а еще болѣе поуждаемый искреннею дружбою, надѣюсь доказать, что ваше дѣло въ то же время и мое дѣло. Остается только разузнать, какимъ образомъ я могу быть полезнымъ вашему величеству“¹⁾.

Въ то же время графъ Кобенцель передалъ императрицѣ согласную съ письмомъ Іосифа ноту, въ которой говорилось, что Вѣнскій дворъ признаетъ случившееся за „casus foederis“, проситъ сообщить, какія мѣры будутъ приняты Россіей, и обѣщаетъ оказать помощь согласно съ постановленіями договора²⁾.

Впрочемъ Іосифъ, кажется, надѣялся нутемъ переговоровъ образумить Порту относительно обращенія ея съ Булгаковимъ. По крайней мѣрѣ, интернунцій Гербертъ еще до февраля 1788 года оста-

¹⁾ *Агнетъ* 299. Зап. Храповицкаго, 2-го сентября 1787 года.

²⁾ Записки Храповицкаго, 3-го сентября. Отвѣтъ Екатерины Іосею см. у *Агнета*, стр. 301.—Копія съ письма Іосею была послана Потемкину; см. Зап. Храповицкаго, 2-го сентября. *Колотовъ*, III, 240, сообщаетъ слѣдующее письмо Іосею: „Государыня! Получа извѣстіе, что одинъ изъ слугъ вашихъ въ Константинополѣ посаженъ въ Семибашенную, я, будучи также вашимъ слугою, поспѣваю въ походъ въ мой войска“. Это письмо не находится въ коллекціи *Агнета*, и безъ сомнѣнія, не можетъ быть подлиннымъ, во первыхъ, потому, что въ подлинности вышеприведеннаго письма Іосею того же содержанія нельзя сомнѣваться, а во вторыхъ, потому, что лишь нѣсколько мѣсяцевъ позже Австрія могла двинуть свои войска противъ Турціи. Очевидно, Іосею узналъ о заключеніи Булгакова двумя недѣлями раньше, чѣмъ пришло это извѣстіе въ Петербургъ. Въ Вѣнѣ знали объ этомъ уже 19-го августа, въ С.-Петербургѣ же не ранее 31-го.

вался въ Константинополь, гдѣ онъ былъ окруженъ особеннымъ уваженіемъ.

Между тѣмъ приготовленія къ войнѣ со стороны Австріи принимали весьма широкіе размѣры. Кордонъ на Турецкихъ границахъ былъ усиленъ; расположенныя въ Венгріи полки получили приказъ быть готовыми къ походу; но уже съ самаго начала были сдѣланы ошибки и въ диспозиціи войскъ, растянутыхъ на слишкомъ дальнее разстояніе, и въ назначеніи главнокомандующихъ. вмѣсто Лаудона, пользовавшагося большою репутаціей и въ арміи, и въ обществѣ, главными полководцами были назначены Лихтенштейнъ и Ласи. Рассказываютъ, будто Іосифъ считалъ вѣроятнымъ, что до настоящей борьбы вовсе не дойдетъ, и что все ограничится „военною прогулкою“. Вскорѣ обнаружались мрачныя стороны австрийской политики—медленность, первѣнность, разстройство финансовъ, неудачная военная администрація и т. д.

Что же касается до вооруженій Турціи, то со стороны этой державы нельзя было ожидать особеннаго успѣха въ военныхъ операціяхъ. Хотя она сама объявила войну, но скорѣ оказалось, что силы ея весьма слабы ¹⁾. Тѣ самые недостатки, которыми страдала Турція въ войну 1768—1774 гг., обнаружались и теперь. Со времени Кучукъ-Кайнарджійскаго мира почти ничего не было сдѣлано для улучшенія военной организаціи Турецкой имперіи. Не удивительно по этому, что люди опытные, какъ напримѣръ, Гассанъ, командовавшій флотомъ, совѣтовалъ сохранить миръ и выиграть время для вооруженій, а послѣ объявленія войны отправился въ походъ съ весьма мрачнымъ предчувствіемъ ²⁾. Хотя онъ и старался преобразовать войско, улучшить флотъ, даже на свой счетъ построилъ казарму въ Константинополь, — все оставалось по прежнему. Оружіе не годилось. Вагажу всегда было слишкомъ много въ походѣ; Турки не умѣли обращаться съ артиллеріей; конница опасалась встрѣчи

¹⁾ О средствахъ, которыми располагала Турція, тогда же завязалась полемика между двумя публицистами. Вольей, авторъ брошюры «*Considérations sur les causes de la guerre actuelle*», говорилъ о Турціи между прочимъ: «*La plupart des soldats turcs n'ont jamais vu le feu; l'infanterie turque est absolument nulle, la cavalerie n'est excellente qu'à l'escarmouche... Si les Turcs sont vainqueurs, ils n'iront pas à Moscou; si les Russes gagnent deux batailles, ils iront à Constantinople etc.*». Противъ Вольея писалъ Пейссонель, а также и авторъ брошюры: «*Le partage de la peau de l'ours*». Первый изъ нихъ старался доказать, что турецкая артиллерія усовершенствовалась значительно.

²⁾ *Castera*, II. 136.

съ пѣхотою, готовою въ минуту бѣгства напасть на кавалеристовъ, чтобъ отнять у нихъ лошадей, и т. д. На бумагѣ солдатъ было гораздо болѣе, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ: Янычаръ считалось 113.300, а было ихъ не болѣе 37.000; вообще численность арміи была показана въ 388.400 человекъ, но простиралась лишь до 136,400 ¹⁾).

Къ тому же Турки должны были бояться Грековъ, всегда готовыхъ къ возстанію. За то они надѣялись на возмущеніе Татаръ, стремившихся отложиться отъ Россіи. Князь Щербатовъ утверждаетъ, что приготовленіе Турокъ къ войнѣ было ничтожное, что во всей Бессарабіи при объявленіи войны было не болѣе 30.000 человекъ турецкихъ войскъ, что въ Очаковѣ было лишь 8.000 гарнизону, и что полученныя Турціей изъ Россіи извѣстія о худомъ состояніи русской арміи и голодѣ, свирѣпствовавшемъ въ нѣкоторыхъ областяхъ, внушили Турціи смѣлость объявить войну ²⁾).

Что же касается до вооруженій Россіи при началѣ войны, то отзывы современниковъ на этотъ счетъ не слишкомъ благоприятны. Контроль надъ военною администраціей Потемкина былъ однимъ изъ главныхъ поводовъ къ путешествію Екатерины на югъ. Опъ преобразовалъ войско, строилъ военные корабли, арсеналы, верфи, магазины, гавани. Екатерина была весьма довольна тѣмъ, что успѣла осмотрѣть во время своего пребыванія въ намѣстничествѣ князя. Теперь

¹⁾ Eton, 100, 81—99, 74.

²⁾ Щербатовъ, 79: «Во истину я не могу приписать глупости Турковъ объявленіе ими войны, ничего не изготовивъ; они твердое имѣли намѣреніе давно уже войну Россіи объявить; визирь и капитанъ-паша, два главные пріятели Турецкія имперіи, давно уже дышали злобою на Россію. Но кажется, что открытое приготовленіе, боясь быть предупрежденными, дѣлать они не осмѣлились; родъ правленія ихъ не позволяетъ изъ дальнихъ областей до объявленія войны войска пригонять; капитанъ-паша былъ упражненъ успокаивать Египетъ, послѣ побѣжденія беевъ; а посему ни войска, ни флота у нихъ противу Россіи готовыхъ не было, и я истинно не сумнѣваюсь, чтобы не по вѣщенію какого европейскаго двора, подтвержденнаго извѣстіями ихъ шпіоновъ, о состояніи русскихъ войскъ и о голодѣ въ Россіи, ихъ подвигнуло толь безрешечно да и въ августѣ мѣсяцѣ войну объявить; ибо прежде обыкновенно они при наступленіи зимы, то-есть, около ноября мѣсяца, оную объявляли, дабы зимніе мѣсяцы употребить для собранія войскъ и учиненія всѣхъ приготовленій. И такъ, какъ я слышала заподлинно, и публичныя вѣдомости свидѣтельствуютъ, что при объявленіи войны Турецкая имперія не имѣла во всей Бессарабіи 30.000 войска, считая и гарнизонъ Очаковской и Вендерской, и пяти военныхъ кораблей; да и тѣ едва ли въ состояніи были выйти въ море, а капитанъ-паша, со всѣмъ флотомъ въ Египтѣ находился».

Потемкинъ долженъ былъ доказать на дѣлѣ, что его дѣятельность не была тщетною, что всѣ слухи о ничтожности результатовъ его администраціи были лишены основанія.

При этомъ нельзя не обратить вниманія на множество данныхъ, сообщенныхъ намъ современниками. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ очевидцы, могли сами подробно знать о средствахъ, которыми располагала Россія при открытіи военныхъ дѣйствій; другіе же могли изъ близкихъ источниковъ имѣть подробныя свѣдѣнія о состояніи нашего войска, флота, военныхъ снарядовъ и припасовъ.

Къ первымъ принадлежитъ императоръ Іосифъ. Въ его письмахъ къ фельдмаршалу Ласи встрѣчаются весьма подробныя указанія на вооруженныя силы Россіи. Онъ былъ крайне недоволенъ и постоянно повторялъ, что внѣшнему блеску арміи и флота не соответствуетъ внутренняя прочность и сила. Войско было одѣто въ новыя и весьма изящныя мундиры, но у конницы, напримѣръ, сабли были негодны. Одежду солдатъ Іосифъ находилъ несоответствовавшею условіямъ времени года. Весною, въ довольно холодную погоду, солдаты были одѣты въ полотняныя панталоны, дрожали отъ холода и заболѣвали часто лихорадкою. Больныхъ было вообще весьма много, между тѣмъ какъ лазаретная часть страдала отъ многихъ недостатковъ. При страшной дороговизнѣ на югѣ, офицеры нуждались въ существенномъ и иногда терпѣли голодъ, а солдаты, получавшіе по 1½ рубля въ годъ, часто ходили безъ рубахъ. Лошади, не находившія достаточнаго корму, походили на тощихъ влечь. Даже зимой они кормились одною степною травой. Комплектъ полковъ былъ далеко не полный. Всего войска въ намѣстничествѣ Потемкина считалось на бумагѣ 100.000 человекъ, на дѣлѣ же было не болѣе 40.000. Каждый егерскій полкъ долженъ былъ состоять изъ 4 баталіоновъ по 4 роты въ каждомъ, а въ каждой ротѣ должно было находиться по 200 солдатъ, такъ что каждый полкъ по настоящему долженъ былъ состоять изъ 3.200 человекъ; на дѣлѣ же, какъ пишетъ Іосифъ, полки состояли развѣ изъ 700 человекъ, изъ которыхъ около 150 находились въ больницѣ, а остальные были заняты разными работами при постройкахъ и т. п. Такъ напримѣръ, когда по случаю путешествія императрицы не успѣли собрать надлежащее число лошадей для движенія галеръ по Днѣпру, нѣсколько сотенъ солдатъ съ утра до вечера, находясь въ водѣ, тянули эти галеры, что весьма поразило Іосифа.

Состояніе крѣпостей казалось Іосифу также весьма неудовлетворительнымъ. Пріѣхавъ въ Херсонъ, онъ въ сопровожденіи своего

адъютанта графа Кинскаго осмотрѣлъ подробно всѣ фортификаціонныя работы, которыя, однако, произвели на него весьма неблагопріятное впечатлѣніе. Онъ находилъ, что стѣны Херсонской крѣпости были сдѣланы изъ песку, не превращеннаго вовсе въ плотную массу, а готоваго каждую минуту рассыпаться. Къ пріѣзду Екатерины, говорилъ Іосифъ, хотѣли стрѣлять изъ пушекъ, находившихся на крѣпостномъ валу, но опасались, что отъ грома ихъ можетъ обрушиться валъ. За нѣсколько дней до пріѣзда Іосифа въ Херсонъ, однимъ ударомъ молніи была потрясена значительная часть вала. При самой постройкѣ были сдѣланы, по мнѣнію императора, большія ошибки. У Кинбургской крѣпости онъ также находилъ профили слишкомъ низкими. Артиллерию въ этихъ мѣстахъ было достаточно, за то числу пушекъ не соответствовало количество снарядовъ. Опыты надъ бомбами и брандсугелями, сдѣланные въ присутствіи императора, не удавались.

И въ отношеніи военныхъ кораблей Іосифъ замѣчаетъ, что матеріалъ, изъ котораго они построены, нигде не годился. За то въ Севастополѣ корабли понравились императору. Особенно хвалилъ онъ адмиральскій корабль, на которомъ находилась императрица во время маневровъ. Матросы, однако, казались Іосифу неопытными; это были обыкновенные рекруты, переименованные матросами; они должны были лазить по мачтамъ и такелажу, часто падали, ломали себѣ руки и ноги и въ такомъ случаѣ были замѣняемы тотчасъ же другими, столь же неопытными.

Маневры казаковъ понравились Іосифу; но за то онъ находилъ, что Калмыки стрѣляли довольно плохо. Ему казалось страннымъ, что изъ гусарскихъ и казацкихъ полковъ были сформированы егерскіе и гренадерскіе, и что гренадерскіе, состоявшіе изъ людей самой предстательной наружности, были созданы лишь съ тою цѣлью, чтобы раздать новыя офицерскія мѣста нѣкоторымъ лицамъ, которымъ Потемкинъ хотѣлъ оказать милость. Во всемъ, такимъ образомъ, Іосифъ находилъ недостатокъ; все въ его глазахъ служило доказательствомъ произвольныхъ и нецѣлесообразныхъ дѣйствій Потемкина. Такъ какъ военная администрація, подобно управленію дѣлами дипломатическими, была сосредоточена въ рукахъ князя, то посланники иностранныхъ державъ видѣли въ немъ и главнаго виновника рѣзкаго обращенія Россіи съ Портою ¹⁾.

¹⁾ *Herrmann, Gesch. d. russ. Staats, Ergänzungsband, 1866. стр. 648.*

И другіе современники находили состояніе русскаго войска неудовлетворительнымъ. Сиверсъ въ апрѣлѣ 1787 года считалъ войну почти невозможною, потому что, по его мнѣнію, Россія вовсе не была къ ней приготовлена. Онъ, какъ мы видѣли, изъявлялъ надежду, что по крайней мѣрѣ графъ Румянцовъ откроетъ императрицѣ глаза относительно печальнаго состоянія военной администраціи ¹⁾. Секретарь саксонскаго посольства Гельбигъ, представляя въ донесеніи своему правительству списокъ русской арміи, прибавляетъ, что численность ея на бумагѣ преувеличена, что Кавказская война стѣитъ ужасно много солдатъ, что смертность въ войскѣ чрезвычайно велика, и что даже отъ усиленія рекрутскихъ наборовъ нельзя ожидать достаточнаго пополненія его рядовъ. Прусскій посланникъ успѣлъ собрать весною 1788 года достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что все войско состояло изъ 137.077 человекъ, тогда какъ въ официальныхъ спискахъ, представленныхъ Потемкинымъ императрицѣ, насчитывалось конницы 61.819, не включая казаковъ, а пѣхоты 213.002, не включая сюда гвардіи, артиллеріи и гарнизоновъ ²⁾. Изъ этихъ 137.000 человекъ пужно было оставить по крайней мѣрѣ 20.000 для прикрытія границъ противъ нападеній со стороны Швеціи. Иностранцы считали рекрутскіе наборы гибельными для народнаго благосостоянія; частія перемѣны въ военной организаціи производились, по отзыву современниковъ, лишь съ тою цѣлью, чтобы переодѣтыхъ въ другіе мундиры солдатъ выдавать за совершенно новыхъ. Въ донесеніяхъ дипломатовъ встрѣчаются также многія данныя о недостаткѣ въ сѣбствныхъ припасахъ, въ фуражѣ для лошадей, о худомъ состояніи лазаретовъ, даже о недостаткѣ въ аммуниціи, о неудачномъ выборѣ командировъ на флотѣ, о расточительности и неисправности при управленіи военнымъ вѣдомствомъ и т. д. ³⁾.

¹⁾ *Blum, Ein russ. Staatsmann, II, 482.*

²⁾ *Донесеніе Келлера, у Германа VI, 155, 156.*

³⁾ Весьма любопытны остроты Моссе, шута Потемкина, ссылавшагося надъ бѣдственнымъ состояніемъ Россіи въ началѣ войны. Сегоуръ разказываетъ: «Il s'étendit avec complaisance sur les inconvéniens de l'esclavage du peuple, du despotisme de la cour, sur l'incomplet de l'armée, le vide du trésor, le discrédit de la banque. Que penser enfin, dit-il, d'un gouvernement qui voit ses affaires en si piteux état, et qui va dépenser tant d'argent et tant d'hommes pour acquérir quelques déserts et gagner la peste? Pourquoi veut on se ruiner, se saigner à ce point et armer peut-être toute l'Europe? Vous ne le devinez pas; je vais vous le dire: c'est pour amuser un grand prince ici présent, qui s'ennuit, et pour lui donner le plaisir d'ajouter le grand cordon de Saint-Georges aux trente ou quarante cordons, dont il est déjà bariolé et qui ne lui suffisent pas». *Séjour, T. III, 456.*

Князь Щербатовъ предполагалъ, что полученныя Турками изъ Россіи извѣстія о худомъ состояніи войска и о свирѣпствованшемъ въ Россіи голодѣ породили въ нихъ надежду побѣдить Россію и внушили имъ смѣлость обвинять войну. Дѣйствительно, страшная дороговизна господствовала тогда въ Россіи. Въ 1760 году четверть ржи стоила 86 коп., въ 1763 — 95 коп., въ 1773 — 2 руб. 19 коп., а въ 1787 — 7 руб. Въ 1785 и 1786 годахъ были неурожаи. Сильные морозы зимою на 1787 годъ не дозволяли надѣяться на урожай въ 1787 году. Во многихъ частяхъ имперіи бѣдствіе это принимало большіе размѣры¹⁾.

Екатерина, во время своего путешествія, видѣла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хорошіе хлѣба и изъ этихъ примѣровъ дѣлала заключеніе относительно урожая во всей имперіи. Она писала изъ Вѣлгорода графу Якову Александровичу Брюсу, 13-го іюня 1787 года: „Вы приписываете причины дороговизны худымъ всходамъ хлѣба. Вожиться можно, что вездѣ, гдѣ мы проѣзжали, хлѣбы такъ хороши, какъ только желать можно; а въ Петербургѣ хлѣбомъ торгуютъ лишь пять или шесть купцовъ, кои суть изъ плутовъ не послѣдніе, а стараться надлежитъ вводить въ хлѣбный торгъ болѣе купцовъ чтобы вывести сей торгъ изъ рукъ перекупщиковъ“. Изъ Коломенскаго Екатерина писала 24-го іюня 1787 года: „Я не пропущу взять всевозможными мѣрами въ предупрежденію недостатка и въ попиженію цѣнъ“²⁾. Отъ Императрицы сначала скрывали, что на хлѣбъ стоятъ высокія цѣны. Но во время ея пребыванія въ Москвѣ графъ А. Г. Орловъ сообщилъ ей подробныя свѣдѣнія о голодѣ, показалъ ей хлѣбъ, испеченный изъ соломы и другихъ непитательныхъ веществъ, и увѣрялъ, что въ Москвѣ умерло нѣсколько несчастныхъ отъ голода въ самый день ея пріѣзда въ этотъ городъ³⁾. По возвращеніи императрицы въ Петербургъ, произошелъ бунтъ рабочихъ при постройкѣ набережной Фонтанки. Около 300 человекъ, которые не были въ состояніи прокормиться обыкновенною подевною платою, явились у дворца Ека-

¹⁾ См. статью Щербатова «Разсужденіе о голодѣ и т. д.» и «Состояніи Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба при началѣ Турецкой войны» и въ *Чтеніяхъ Московскаго Общества Ист. и Др. Р.* I. 91 и слѣд. Князь Щербатовъ обвиняетъ правительство въ томъ, что не были приняты заблаговременно мѣры противъ дороговизны. См. также письмо лорда Кармортена у *Неггманнъ*. *Englân.* 648.

²⁾ *Русскій Архивъ* 1865, ст. 1280. О дѣйствіяхъ закупщиковъ см. *Русскій Архивъ* 1865, ст. 1281.

³⁾ *Неггманнъ*, VI, 153.

терины съ жалобами и просьбами. Съ большимъ трудомъ разогнали ихъ ¹⁾. Хотя Екатерина въ 1788 году, въ своемъ отвѣтѣ на шведскую декларацію, утверждала, что особенной дороговизны не было, и что въ Россіи никогда не бывало случаевъ голодной смерти ²⁾, слухи о голодѣ въ Россіи содѣйствовали къ рѣшенію Турціи и Швеціи объявить войну ³⁾, между тѣмъ какъ Россія менѣе всего въ это время могла желать разрыва съ сосѣдними державами ⁴⁾. Въ письмахъ къ Потемкину она сознавалась въ томъ, что вынуждена была бороться съ большими затрудненіями. „Даѣ Боже“, писала она 26-го января 1788 года, „чтобъ болѣзни пресѣклись. Дороговизна во всемъ ужасная; даѣ Боже силу снести всѣ видимыя и невидимыя хлопоты“. 26-го февраля 1788 года она писала: „Налоговъ наложить теперь не время, ибо хлѣбу недорода; и такъ недоимокъ немалое число“ ⁵⁾.

При такихъ затрудненіяхъ съ различныхъ сторонъ старались доказать императрицѣ, что въ интересахъ Россіи должно желать сохраненія міра, и что Потемкинъ представляетъ средства нашего отечества въ слишкомъ выгодномъ свѣтѣ ⁶⁾.

Екатерина, однако, не падала духомъ. По полученіи извѣстія объ объявленіи войны Турками, она спрашивала: „что говорятъ въ народѣ о войнѣ“? и когда узнала, что „унынія нѣтъ, и всѣ военные на то готовы“, замѣтила: „Теперь мы больше готовы, нежели въ началѣ минувшей войны; въ двѣ недѣли всѣ войска могутъ быть въ своихъ мѣстахъ“. Она гордилась привязанностью къ ней народа. „Никто теперь“, говоритъ Храповицкій 2-го сентября 1787 года, „при началіи войны не унываетъ, и всѣ военные съ охотою идутъ

¹⁾ См. донесенія Салена и Келлера у Геррманна, VI, 154. Въ тотъ день императрица обѣдала не ранѣе 3 часовъ. Храповицкій пишетъ, что работяжки не слушались ни оберъ-полиціймейстера, ни генералъ-адъютанта. См. Зап. Храп. Екатерина 8-го августа писала къ Архарову въ Новгородъ: „Пріѣзжайте суда подъ какииъ ни на есть видоизъ, не сказавъ, что я васъ выписываю. Рыльцевъ (С.-Петербургскій оберъ-полиціймейстеръ) не ладитъ съ рабочими людьми; вчерась приходили ко мнѣ толпками и оказались непослушными и упрямыми; человекѣтъ съ двадцать и приказала посадить подъ стражу; прочіе разбѣжались; по по слабости Рыльева приняго толку еще не смущу“. *Русскій Архивъ* 1864, 898. Впрочемъ, была приняты мѣры для удовлетворенія работниковъ, какъ говоритъ Храповицкій (1-го октября), чтобъ опять не пришли ко двору».

²⁾ Колотова III, 288.

³⁾ *Séjour*, III, 378.

⁴⁾ *Séjour*, III, 238.

⁵⁾ *Соловьевъ*, Паденіе Польши, 180—182.

⁶⁾ *Herrmann* VI, 164.

на сраженіе. Обольщать нельзя себя надеждою, но кажется, что Богъ поможетъ хорошо дѣло кончить. Приказано флоту сразиться, и по вычету князя Потемкина-Таврическаго, всѣ войска будутъ на мѣстахъ 6-го, то-есть, въ 15 дней послѣ письма его отъ 22-го августа. вчера съ курьеромъ полученнаго". 7-го сентября императрица подписала манифестъ о войнѣ съ Турками; напечатанный затѣмъ манифестъ читался 12-го въ церквахъ. „Плакали“, пишетъ Храповицкій въ этотъ день о Екатеринѣ. Немногимъ позже она жаловалась на недостатокъ въ замѣчательныхъ людяхъ, въ такое время особенно чувствительный.

При такихъ обстоятельствахъ можно было удивляться тому, что Потемкинъ, какъ кажется, не желалъ назначенія Суворова въ армию ¹⁾; можно было сожалѣть, что князь Н. В. Репнинъ, оказавшій въ послѣдствіи столь важную услугу побѣдой, при Мачинѣ, сначала отказывался служить вмѣстѣ съ Потемкинымъ ²⁾; можно было находить весьма прискорбнымъ, что соперничество между Потемкинымъ и Румянцовымъ парализировало дѣйствія послѣдняго.

Екатерина желала, чтобы графъ А. Г. Орловъ принялъ начальство надъ флотомъ. Она писала къ нему 31-го октября 1787 года: „Любя пользу имперіи, при подписаніи знатнаго морскаго вооруженія, нельзя, чтобы не пришло мнѣ на умъ имя и дѣянія графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго и брата его, графа Ѳедора Григорьевича Орлова. Кому не извѣстно, что они впервые морскими нашими силами врагу имени христіанскаго навесли страхъ, трепеть и сильныя удары, паче же разореніемъ флота его при Чесмѣ посреди морей, до того россійскому орлу неизвѣстныхъ; что народная довѣренность тамо ихъ встрѣчала; что за ними по слѣдамъ шла побѣда? Неоспоримая правда, что имя ваше прибавить моему морскому вооруженію еще вѣсь и мѣру въ ужасъ врагу, во ободреніе своимъ, кои подъ вами достигли до побѣдъ и награжденій. Въ дружескомъ письмѣ не повелѣвается, а спрашивается запросто: вопервыхъ, склопенъ ли графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій взять охотно паки команду надъ флотомъ, когда я ему поручу, и сей (то-есть, флотъ) прійдетъ въ Архипелагъ, куда адмиралъ Грейгъ его приведетъ и съ нимъ останется? Второе: графъ Ѳедоръ Григорьевичъ пойдетъ ли съ нимъ? Буде вы рѣшитесь ѣхать, то можете паки ѣхать.

¹⁾ См. анекдотъ въ Запискахъ Эммануэля, 67.

²⁾ См. Грота, Державинъ I, 428.

въ Италію и оттуда отправиться во флотъ. Третье: адмиралъ Грейгъ самъ все вооруженіе приведетъ въ наилучшее и надежнѣйшее состояніе, и сіе вооруженіе сильнѣе прежняго и готовится къ началу будущей войны¹⁾.

Графъ Безбородко не одобрялъ сдѣланнаго Орлову императрицею предложенія²⁾, которое, впрочемъ, и не было принято героемъ Чесменской битвы³⁾. Главнокомандующимъ флота, который весной будущаго года долженъ былъ отправиться въ Средиземное море, былъ назначенъ адмиралъ Грейгъ⁴⁾.

Съ давнихъ поръ въ Россіи готовились къ войнѣ съ Портою. Россія надѣялась на повсемѣстное возстаніе православныхъ Славянскихъ народовъ и Грековъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ Архипелагѣ⁵⁾. Противъ возстанія Татаръ во время войны были приняты мѣры. Жители изъ приморскихъ деревень были удалены во внутреннія области Таврическаго края. Потемкинъ опасался, что они подадутъ помощь турецкимъ войскамъ въ случаѣ приближенія послѣднихъ къ берегамъ⁶⁾. У Татаръ было отобрано оружіе⁷⁾, между тѣмъ какъ

¹⁾ *Сборникъ Историческаго Общества*, I.

²⁾ *Зап. Храновицкаго* 7-го ноября 1787 года.

³⁾ *Зап. Храновицкаго*. «Онъ почти отказывается, однако, хочетъ быть сюда». Сивень писалъ 8-го февраля 1788 г.: «Graf Orlov will das Commando über die Flotte nicht annehmen und entschuldigt sich wegen seiner kranken Umstände». *Hermann. Ergänzungsband*. 651.

⁴⁾ Въ *Сборникъ Истор. Общества* находится по этому поводу замѣтка, что послѣ отказа Орлова на его мѣсто былъ избранъ императрицею генералъ-поручикъ Иванъ Александровичъ Заборовскій. Изъ инструкціи, данной Заборовскому, въ *Русскомъ Архивѣ* (1866 г.) видно, что Заборовскій былъ назначенъ не начальникомъ флота, а командующимъ сухопутными войсками, набранными въ Италію и на Балканскомъ полуостровѣ.

⁵⁾ Это видно изъ инструкціи Заборовскому.

⁶⁾ Это было сдѣлано подъ видомъ собственной безопасности Татаръ и ихъ семействъ. Въ особенности опасались жизни жителей Алушты; см. Записку о старыхъ письменныхъ явкахъ Новороссійскаго края № 14. *Зап. Од. Общ. Ист. и Др.* II, 765.

⁷⁾ См. письмо Потемкина Каховскому 10-го апрѣля 1788 года: «Собственная наша предосторожность и обезпеченіе жителей таврическихъ отъ разбѣдливыхъ слѣдствій, требуютъ, чтобъ отняты были все способы у злоумышленниковъ. И потому, дабы не способствовали Туркамъ, въ случаѣ ихъ десанта, приказать лошадей Татаръ всѣхъ выгнать за Перекопъ, а для вѣрнаго успокоенія отобрать у Татаръ оружіе, вышася имъ, что это для нихъ не только полезно, но и не минуемо нужно, и что это исполняется не по сомнѣнію о нихъ, но въ предотвращеніе поступковъ некоторыхъ бездѣльниковъ, могущихъ ихъ подвергнуть

казеннымъ поселянамъ въ Тавридѣ, на случай непріятельскаго на нихъ нападенія, были розданы ружья и порохъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, положеніе Россіи могло казаться нѣсколько опаснымъ, но съ другой—можно было надѣяться на успѣхъ, особенно чрезъ нападеніе на Турцію одновременно на границахъ Очаковской и Бессарабской областей, и такъ-сказать, съ тыла чрезъ вооруженіе Грековъ и Славянъ въ самой Турціи. Удача въ послѣднемъ предриятіи могла положить конецъ существованію Турецкой имперіи.

Весьма немногіе замѣчали волненіе императрицы во все это время. Объявленіе войны было неожиданно. Хотя и нельзя утверждать, что Россія была застигнута въ расплохъ ²⁾, не правы, однако, и тѣ, которые увѣряли, что въ минуту объявленія войны все было готово къ походу ³⁾. Принцъ де-Линь замѣчаетъ, что Екатерина дѣйствительно безпокоилась, показывая, впрочемъ, видъ, что она не сомнѣвается въ успѣхѣ ⁴⁾. Она писала къ Циммерману 2-го декабря 1787 года: „Послѣдніе три мѣсяца были очень хлопотливы. Скоро послѣ возвращенія моего въ Москву, вздумалось блистательной Портѣ и неблистательнымъ ея совѣтникамъ объявить мнѣ войну, какъ вамъ уже извѣстно; быть такъ, до сихъ поръ бѣда еще не такъ велика. Если удастся мнѣ побить моихъ непріятелей, то надѣюсь, что тѣ и другіе будутъ отъ того довольнѣе; а какъ у меня такое правило, что когда дѣло идетъ о ударахъ, то лучше ихъ наносить другимъ, нежели самой получать, по чемъ и старалась сдѣлать согласныя тому распоряженія“ ⁵⁾.

гибели... Все оружіе свезти въ Карасубазаръ, и чтобы изъ всякаго узда по два человека прикладывали свои печати къ дверямъ казармъ, гдѣ сложится оружіе, которое по окончаніи войны будетъ возвращено». Списки приложены. 29-го августа 1795 г. капитанъ Георгій Попандоуло сдѣлалъ опись: ружей 799, саблей 2.576, пистолетовъ 135 и т. д. См. *Зап. Од. Общ. Ист. и Др.* II, 763.

¹⁾ См. *Зап. Од. Общ. Ист. и Др.* II, 763. «У нѣкоторыхъ изъ Татаръ замѣчено намѣреніе, когда покажутся турецкія суда на морѣ, сдѣлать нападеніе на казачьи посты и во всемъ вспомошествовать Туркамъ. Вслѣдствіе чего велѣно казенныхъ поселянъ снабдить 500 солдатскими ружьями, а равно и потребнымъ количествомъ пороху». Выдано 372 ружья изъ Еникале и 90 пудовъ пороху изъ Карасубазарскаго укрѣпленія.

²⁾ Какъ дѣлаетъ г. Соловьевъ:

³⁾ Мнѣніе Колотова.

⁴⁾ *De-Ligne*, II, 233; III, 21.

⁵⁾ *Сочиненія Екатерины*, III, 452.

Однако, всё распоряженія, всё громадна матеріальныя средства, на которыя не скупилося правительство, не повели къ столь быстрымъ успѣхамъ, какихъ ожидала императрица. Напротивъ того, нѣсколько мѣсяцевъ сряду, за исключеніемъ дѣла при Кинбурнѣ, въ которомъ отличился Суворовъ, война была неудачна. Потемкина порицали очень сильно. Особенно обвиняли его въ томъ, что хотя онъ съ давнихъ поръ могъ предвидѣть разрывъ съ Турціей и былъ главнымъ виновникомъ войны, но въ минуту опасности не зналъ, куда обратиться и съ чего начать ²⁾). Весьма любопытна въ этомъ отношеніи записка князя Щербатова о Шведской и Турецкой войнахъ. Онъ пишетъ между прочимъ: „Какъ ясно уже для Россіи было, что Порта Оттоманская не болѣе будетъ содержать Кайнаржинскій миръ, какъ по тѣхъ мѣсть, пока она почувствуетъ себя въ состояніи паки съ вѣщными усиліями войну противъ Россіи возобновить, то въ предосторожность начали строить городъ Херсонъ, въ 70 верстахъ отъ Очакова, завели тутъ верфь корабельную, и военные корабли стали проходить мимо Очакова, грозящіе подвергнуть чрезъ оныя и самый Константинополь къ бомбардированію. . . . Казалось бы, что Россія, зная сама, коль чувствительно огорчила турецкій дворъ взятіемъ Крыма, должна бы, если не хотѣла сама войны, нѣсколько умѣреннѣе поступать, или бы уже, вмѣстѣ съ новыми требованіями, сама войну объявить. Но нѣтъ“. Щербатовъ удивляется тому, что Россія могла требовать уступки Бессараби, и вмѣстѣ съ тѣмъ, разчитывать на сохраненіе мира. „Я вошелъ“, продолжаетъ онъ, „въ сіи подробности о поступкахъ нашихъ съ Турками для того, чтобы вамъ показать, что въ прошедшемъ году, въ августѣ мѣсяцѣ, объявленная Россіи Турками война нѣсть печальное приключеніе, противу котораго бы не можно было и предосторожностей взять, но такое дѣло, которое всякой, хотя мало разумъ имѣющей, человекъ давно предвидѣлъ; и самое правительство со времени взятія Крыма, то-есть, съ 1783 года, является, ожидало ее; ибо артиллерія въ Херсонъ была привезена и толь великая, каковой никогда не бывало, и для наполненія оной всё пушки съ Московской площади были взяты, поля туда были подвинуты, и великіе рѣкрутскіе наборы дѣлаютъ предполагать, что они и укомплектованы были, а паче во время походу Ея Величества въ Крымъ отовсюдова велѣно было полкамъ къ границамъ турецкимъ идти, и дѣйствительно они, раздѣленные на разныя дивизіи, тамъ обрѣтались.

²⁾ *Соловьевъ, Паденіе Польши, 174.*

А изъ сего слѣдуетъ: война была предвидима, войски собраны, артиллерія привезена. А сіе и предполагаетъ, что войски, по великимъ рекрутскимъ наборамъ, были въ комплектѣ, артиллерія готова, исправна и всѣмъ нужнымъ снабжена, провіантъ на людей и фуражъ на лошадей изготовленъ: ибо все сіе сдѣлать мы имѣли и время и удобность... Наконецъ, почти при повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи, а паче въ Украинѣ, въ началѣ августа мѣсяца, Турками объявлена была война Россіи, и князь Григорій Александровичъ Потемкинъ съ возвратнаго пути императрицы въ Москву, еще въ юнѣ мѣсяцѣ поскакалъ на турецкія границы, иже и сочиняютъ ввѣренныя ему губерніи, яко намѣстнику, князь Гр. А. Потемкинъ, человекъ, посланній на себѣ особливо милость и повѣренность монаршу, котораго дѣла, каковы бы они ни были, всегда апробацію монаршу получаютъ; могущій все, что восхочетъ, не токмо по особой милости государевой, но и по самымъ положеннымъ должностямъ, генераль-губернаторъ къ турецкимъ границамъ прилегающихъ губерній и президентъ военныхъ коллегій и наконецъ поѣхавшій съ возвратнаго пути государыни туда на границу, конечно по извѣстіямъ, что Турки хотятъ войну начать, слѣдственно и безъ наставленій... При таковыхъ обстоятельствахъ кто бы не подумалъ, чтобы князь Потемкинъ, при первомъ открытіи войны, не вступилъ въ непріятельскія области; чтобы флотъ нашъ, котораго показывали до шестнадцати линейныхъ кораблей и нѣсколькихъ фрегатовъ въ Севастопольскомъ портѣ государыни и Германскому императору, не выступилъ въ море и не пошелъ бы прямо къ Константинополю, или, по крайней мѣрѣ, къ Синопу, и не опустошалъ бы области турецкія; чтобы пламя селеній воспаленныхъ видимо было самому султану, запертому, въ его серали, и звукъ пушечной стрѣльбы достигалъ бы до ушей его. Очаковъ едва имѣлъ тогда восемь тысячъ гарнизону, то чего жъ бы ради собранная войска не употребить для осады сего града, и три или четыре года привезенную многочисленную осадную артиллерію, находящуюся въ Херсонѣ, не учинить дѣйствовать противъ стѣнъ сея крѣпости, тогда же бы какъ флотъ нашъ, держа море, не допускалъ моремъ всякую помощь? Чего не доставало? Пять лѣтъ мы готовились къ войнѣ, войска были отовсюду собраны, артиллерія привезена, флотъ готовъ; все сіе казано монархинѣ, всему она учинила похвалу. Слѣдственно, либо не хотѣли дѣйствовать съ такимъ усердіемъ, какъ надлежало, либо монархиня видѣла и не видала, и засвидѣтельствованіе и похвалы ея суть тщетны, самымъ дѣйствіемъ научающія монарховъ не хва-

лять того, чего совершенно сами не знаютъ... Стекались, кажется, случаи для обвиненія пышнаго начальника. Турки, которые, по одержаннымъ въ прошедшую войну побѣдамъ, должныствовали бы трепетать на своихъ земляхъ, видя недѣйствіе нашихъ морскихъ и сухопутныхъ силъ, осмѣлились сами сдѣлать десантъ на мысъ Кинбурскій и были не токмо разбиты, но, можно сказать, истреблены генераломъ Суворовымъ. Извѣстно всѣмъ, что, какъ скоро Турки претерпятъ разбитіе, то ихъ такой страхъ одолеваетъ, что они наисильнѣйшія укрѣпленія покидаютъ, яко въ прошедшую войну они покинули Хотинъ по полному разбитіи. То чего же бы ради, по крайней мѣрѣ, въ сіе время не сдѣлать атаку Очакова? Турки были страхомъ поражены, гварнизонъ ихъ весьма убавился, а ...!).

Эта записка показываетъ, что князь Потемкинъ, которому императрица въ 1786 году даже поручила опредѣлить минуту разрыва по своему усмотрѣнію, не пользовался такимъ довѣріемъ въ публикѣ, какое оказывала ему императрица. Умыслъ его въ первое время войны доходило до того, что послѣ нѣкоторыхъ неудачъ онъ даже просилъ у императрицы отставки и предлагалъ ей вывести всѣ войска изъ Крыма! Но битвы въ Лиманѣ лѣтомъ 1788 года, и затѣмъ, взятіе Очакова въ концѣ 1788 года измѣнили къ лучшему положеніе Россіи, и только въ 1791 году, послѣ четырехлѣтней войны, былъ заключенъ Ясскій миръ. При этомъ, хоть и не удалось произвести окончательнаго раздѣла Турціи, Россія все-таки успѣла приобрѣсти Очаковъ и Очаковскую степь—то мѣсто, гдѣ нѣсколькими годами позднѣе была построена Одесса.

А. Врикнеръ.

1) *Чтенія Моск. Общ.* 1860 года, стр. 78—80.